

Фридрих Вильгельм фон Меллентин
Танковые сражения. Боевое применение
танков во Второй мировой войне. 1939-1945

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=609955

*Танковые сражения. Боевое применение танков во Второй мировой войне. 1939—1945 гг. / Пер.
с англ. В.Д. Кайдалова.: Центрполиграф; Москва; 2006
ISBN 5-9524-1746-9*

Аннотация

В книге бывшего генерала немецкой армии Фридриха Вильгельма фон Меллентина дана профессиональная оценка военных событий 1939–1945 годов. Автор показывает значение танковых войск на различных театрах военных действий от Европы до Северной Африки. Описывает действия танков на советско-германском фронте, уделяя основное внимание Сталинградской и Курской битвам, а также сражениям на Украине и в Польше.

Содержание

Предисловие	4
Введение	5
Часть первая	10
1	10
2	15
Ситуация на западе	15
План	16
Седан	17
Разгром	21
В Лотарингии	24
Заключение	25
3	27
Краткое затишье	27
Вторжение в Югославию	29
Греческая кампания	31
Новое назначение	36
Часть вторая	38
4	38
Роммель	38
Обычный день	42
Техника и вооружение	45
5	47
Танковая битва	50
Разгром 7-й бронетанковой дивизии	53
День поминовения	57
6	60
Бросок к границе	60
Второе сражение при Сиди-Резеге	63
Отступление из Киренаики	65
Контрнаступление Роммеля	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Фридрих Вильгельм фон Меллентин

Танковые сражения. Боевое применение танков во Второй мировой войне. 1939–1945 гг

Предисловие

Эта книга основана на моем личном опыте, полученном в ходе Второй мировой войны. Будучи офицером германского Генерального штаба, я принимал участие в ряде крупнейших кампаний в Африке, в России и на Западе, служил вместе с выдающимися военными деятелями Германии. Больше года я прослужил в штабе фельдмаршала Роммеля.

Да будет мне позволено коснуться некоторых личных моментов и объяснить, почему я решился внести и свой вклад во все увеличивающийся поток военной литературы. Когда началась война, я был капитаном в штабе III армейского корпуса, участвовавшего во вторжении в Польшу, а к ее концу – генерал-майором и начальником штаба 5-й танковой армии, оказавшейся в районе Рура. Исключая несколько кратких перерывов по болезни, я всю войну находился в действующей армии – в Польше и во Франции, на Балканах и Западной пустыне, в России, снова в Польше, снова во Франции и, наконец, в Арденнах и Рейнской области. Участвуя во многих решающих битвах, я видел, как действуют танки в самых различных условиях войны – от заснеженных лесов России до бесконечных просторов Западной пустыни.

При подготовке этой книги мне оказали огромную помощь мои боевые товарищи – офицеры немецкой армии. В частности, я весьма признателен моему бывшему командиру генералу Бальку за предоставленные в мое распоряжение его личные документы, которые оказались весьма ценным материалом, особенно в отношении военных действий в России. Я чрезвычайно благодарен моему другу полковнику Динглеру из германского Генерального штаба за позволение широко цитировать его описание Сталинградской битвы, а также генерал-лейтенанту фон Натцмеру и моему брату генералу Хорсту фон Меллентину за предоставленные мне важные документы, касающиеся Красной армии.

Я сделал все возможное, чтобы дать объективную оценку кампаниям, в которых участвовал. Хотя книга эта написана с точки зрения немецкого военного, я отнюдь не ограничивался только немецкими источниками. К моменту ее создания было опубликовано несколько прекрасных английских и американских исторических работ, и я в полной мере использовал этот материал. Появившиеся позднее исследования делают возможной попытку самого серьезного анализа военных событий 1939–1945 годов. Я уверен, что военные всех стран хотят восстановить все факты и обстоятельства Второй мировой войны, избегая выводов, основанных на личных предубеждениях и патриотических чувствах. Это попытался сделать и я.

Фридрих Вильгельм фон Меллентин Йоханнесбург, Южная Африка

Введение

Я родился 30 августа 1904 года в старинном немецком торговом городе Бреслау, расположенном в самом сердце Силезии.

В своих воспоминаниях Уинстон Черчилль пишет о том, как он присутствовал на германских военных маневрах 1908 года и был представлен кайзеру Вильгельму II. Кайзер приветствовал его словами: «Прекрасная страна эта Силезия, за нее стоит сражаться». Ныне Силезия входит в состав Польши, и названия многих немецких городов, связанных с историей и традициями Германии, – Лейхен, Лигниц, Кацбах – стерты с карты Европы. Судьбу Силезии разделила и Померания, откуда происходит моя семья и где род Меллентинов появился в 1225 году.

Мой отец, Пауль Хеннинг фон Меллентин, подполковник артиллерии, погиб на Западном фронте 29 июня 1918 года. Я был его третьим сыном. Семья моей матери Орлинды, урожденной фон Вальденбург, происходит из Силезии и Бранденбурга; ее прадедом был принц Август Прусский, племянник Фридриха Великого. Моя матушка была моей путеводной звездой в дни мира и войны, а после безвременной кончины отца она приняла на свои плечи тяжкое бремя воспитания и обучения трех своих сыновей. Она покинула земную юдоль в августе 1950 года, за несколько недель до моего отъезда в Южную Африку.

В Бреслау я учился в реальном училище, а после его окончания поступил на военную службу в 7-й кавалерийский полк. Это произошло 1 апреля 1924 года. Полк был расквартирован в Бреслау и вел свою историю от знаменитых «белых кирасиров» императорской армии. Всю свою жизнь я питал страсть к лошадям и теперь, оглядываясь на свою семилетнюю службу в кавалерии, могу сказать, что это был самый счастливый период моей жизни. Но первые четыре года оказались довольно трудными, потому что в это время я затрачивал много времени на подготовку к производству в офицеры. В полк я поступил в звании рядового и оставался в этом звании 18 месяцев, прежде чем меня произвели в капралы. В 1926 году я поступил в пехотное училище в Ордруфе, а затем перешел в кавалерийское училище в Ганновере, где и получил самую тщательную подготовку в тактике и верховой езде.

1 февраля 1928 года мне был присвоен чин лейтенанта, которым я очень гордился. В те дни, когда численность рейхсвера составляла 100 тысяч человек, а во всей армии могло быть только 4 тысячи офицерских должностей, процесс отбора был чрезвычайно строгим, поскольку главнокомандующий генерал фон Сект считал, что его офицеры должны составлять *corps d'elite* (отборный офицерский корпус). Прослужив на разных должностях в качестве офицера кавалерийского эскадрона до 1935 года, я полностью отдался своей любви к скачкам и преодолению препятствий.

2 марта 1932 года я женился на Ингеборг, урожденной фон Аулок, дочери майора фон Аулока и Ноны, в девичестве Малькомесс. Дед моей супруги в 1868 году эмигрировал в Южную Африку, где его семья многого добилась – один из ее членов даже стал сенатором в парламенте ЮжноАфриканского Союза. Благодаря наследству, полученному моей женой от деда незадолго до конца Второй мировой войны, мы смогли эмигрировать в Южную Африку после того, как потеряли все наше состояние и недвижимое имущество, оставшееся в Восточной Германии. У нас два сына и три дочери.

В начале своей военной службы я и не помышлял о карьере штабного офицера, поскольку любил полковую жизнь и был вполне счастлив в кругу своих товарищей по 7-му кавалерийскому полку. Но мой командир, полковник граф С., так же, как и я, не терпел канцелярской работы; поэтому, полагая, что во время учений я проявил тактическое чутье, поручил мне готовить все оперативные доклады для штаба дивизии. Там остались вполне довольны этими бумагами, и граф засадил меня за эту работу уже постоянно. В октябре 1935

года я был направлен в военную академию в Берлине, где готовили офицеров Генерального штаба.

Курс обучения в академии был рассчитан на два года. Первый год преподавание ограничивалось полковым уровнем, на втором году обучения мы постигали искусство управления дивизиями и более крупными формированиями. Теперь порой я вспоминаю об этих годах с затаенной тоской – это был последний беззаботный период моей офицерской жизни. Лекции читались в первой половине дня, а послеобеденное время посвящалось самоподготовке или более приятным занятиям. Довоенный Берлин был весьма притягательным городом и манил огнями своих театров, стадионов, музыкальных салонов и других центров светской жизни.

Осенью 1937 года я сдал экзамены и получил назначение в штаб III корпуса, расположенного в Берлине. Моим начальником стал генерал фон Вицлебен, позднее, во время кампании во Франции, командовавший 1-й армией; затем он стал фельдмаршалом и назначен командующим войсками на Западе. Вицлебен играл ведущую роль в заговоре 20 июля 1944 года и был повешен гестапо. Мне было чрезвычайно приятно служить под командованием столь выдающегося человека, любимого и уважаемого всеми офицерами его штаба.

Моя служба в качестве офицера штаба Берлинского корпуса в значительной мере была связана с организацией торжественных приемов и военных парадов. Я помогал организовывать различные парады фюрера, а также церемонии в честь Муссолини и югославского принца-регента Павла. Не было большей радости, чем проводить последнего из этих официальных лиц; все офицеры штаба испытывали чрезвычайное облегчение, когда церемонии проходили без сучка и задоринки.

Куда более интересной была моя работа, связанная с контрразведкой в Берлинском военном округе и с обеспечением безопасности наших военных заводов в этом регионе. Элегантный польский офицер по фамилии Сосновский в свое время заставил говорить о себе все высшее общество. Он выдал себя за владельца превосходных скаковых лошадей. Таким образом он свел многочисленные знакомства с женщинами, работавшими секретаршами в военном министерстве, и получил через них массу ценнейших секретных сведений. В мои обязанности входило следить за тем, чтобы ничего подобного в будущем не повторялось.

В 1930-х годах вопрос о механизации германской армии стоял чрезвычайно остро. По Версальскому договору Германии запрещалось иметь какое бы то ни было современное оружие или оборудование, и в армии не было ни одного танка. Я прекрасно помню, как, будучи молодыми солдатами, мы отрабатывали военные приемы на деревянных макетах. В 1930 году наши моторизованные силы состояли из нескольких устаревших разведывательных бронемашин и пары рот мотоциклистов. Однако к 1932 году моторизованное подразделение с макетами танков уже принимало участие в маневрах. Этим, вне всякого сомнения, была продемонстрирована та роль, которая будет отведена бронетанковым силам в современной войне.

Основной движущей силой всех этих преобразований был тогда еще полковник Гейнц Гудериан, несколько лет бывший начальником штаба инспекции моторизованных войск. Согласно общепринятому мнению, Германия позаимствовала концепцию танковой войны у британских военных теоретиков Лиддела Харта и генерала Фуллера. Я ни в коем случае не отрицаю влияния их теоретических работ, но является несомненным фактом, что уже к 1929 году теоретические разработки в области тактики бронетанковых войск далеко опережали подобную деятельность Великобритании и стали основой той доктрины, которая с таким успехом была использована нами в ходе Второй мировой войны. Примечательны следующие слова из книги генерала Гудериана «Танки – вперед!»: «В 1929 году я пришел к твердому убеждению, что танки, действуя изолированно или во взаимодействии с пехотой, никогда не смогут достичь решающей роли (sic). Исторический опыт, маневры, проведенные в Англии,

и наши собственные эксперименты с макетами убедили меня в том, что танки никогда не смогут проявить себя во всей мощи, *если другие рода войск, на чью поддержку они неизбежно должны опираться* (курсив мой. – Авт.), не будут иметь одинаковой с ними скорости и проходимости. В соединении, состоящем из всех родов войск, танки должны играть ведущую роль, тогда как другие рода войск действовать в их интересах. Было бы неправильно включать танки в состав пехотных дивизий, наоборот, желательно создавать танковые дивизии, которые включали бы все рода войск, обеспечивающие максимальную эффективность действий танков».

Эта теория Гудериана стала основой, на которой и были созданы немецкие танковые армии. Многие из военных воротят нос от теорий и презирают «кабинетных офицеров», но история последних 20 лет продемонстрировала жизненную важность ясного мышления и дальновидного планирования. Естественно, теоретик должен быть хорошо знаком с практическими реалиями (и прекрасным примером этого является сам генерал Гудериан), но без его предварительной теоретической разработки все последующие практические шаги в конце концов пропадают втуне. Британские военные специалисты, конечно, признали, что танкам предстоит сыграть громадную роль в войнах будущего – собственно, это уже было предсказано сражениями при Камбре и Амьене¹, – но они не придавали должного значения тезису о необходимости взаимодействия всех родов войск танковой дивизии.

В результате Великобритания лет на десять отстала от Германии в разработке тактики применения танков. Фельдмаршал лорд Уилсон Ливийский, описывая свою работу по боевой подготовке 7-й бронетанковой дивизии в Египте в 1939–1940 годах, писал:

«В ходе подготовки бронетанковой дивизии я особо подчеркивал необходимость максимального взаимодействия всех родов войск во время сражения. Надо было выступить против пагубной теории, распространившейся в последние годы и разделяемой некоторыми штатскими авторами определенного толка, согласно которой танковые подразделения способны в ходе сражения достичь победы без какого-либо взаимодействия с другими родами войск.

...Главными в развенчании этого и многих других заблуждений наших ученых мужей были немцы»².

Несмотря на все предупреждения Лиддела Харта о необходимости взаимодействия между танками и артиллерией, британские теории танковой войны склонялись в пользу «чисто танковой» концепции, которая, как отмечал фельдмаршал Уилсон, нанесли немалый ущерб британской армии. Лишь к концу 1942 года британцы начали практиковать тесное взаимодействие между танками и артиллерией в действиях своих бронетанковых дивизий.

Наши танковые войска своим созданием и совершенствованием, несомненно, многим обязаны Адольфу Гитлеру. Предложения Гудериана о механизации армии встретили значительное сопротивление со стороны влиятельных генералов, хотя генерал барон Вернер фон Фрич, главнокомандующий сухопутными силами, склонялся в их пользу. Гитлер заинтересовался этим вопросом; он не только проявил глубокие знания в технических проблемах моторизации войск и бронетанковых сил, но и продемонстрировал свою приверженность стратегическим и тактическим идеям Гудериана. В июле 1934 года было создано управление бронетанковых войск, начальником штаба которого стал Гудериан. С этого момента и начался быстрый рост бронетанковых сил. Гитлер всячески стимулировал этот процесс, в том числе лично присутствуя при испытаниях новых танков, а его правительство делало все возможное для развития моторостроения и строительства дорог. Вопрос этот был жизненно

¹ Как заметил генерал Цвель: «Германия была побеждена не гением маршала Фоша, а генералом Танком». (Здесь и далее, если не указано иное, примеч. автора.)

² Wilson H.M. Eight Years Overseas, 1939–1947. London, 1950. P. 28.

важен, поскольку с технической точки зрения моторной промышленности Германии предстояло ликвидировать последствия своего отставания.

В марте 1935 года Германия формально денонсировала военные статьи Версальского мирного договора, и в этом же году были сформированы первые три танковые дивизии. Мой кавалерийский полк оказался в числе отобранных для преобразования в танковые части. Будучи страстными кавалеристами, мы все испытывали грусть ввиду приближающегося расставания с нашими лошадьми, но вместе с тем были полны решимости сохранить славные традиции Зейдлица³ и Цитена⁴ и перенести их в новые, танковые войска. Нас также переполняла гордость оттого, что танковые дивизии формировались в основном из бывших кавалерийских полков.

С 1935-го по 1937 год внутри германского Генерального штаба шла напряженная борьба относительно будущей роли бронетанковых сил в грядущих сражениях. Генерал Бек, начальник штаба, будучи последователем французской доктрины, считал, что роль танков должна быть ограничена поддержкой пехоты. Против этой пагубной теории, оказавшейся столь роковой для Франции летом 1940 года, успешно боролись Гудериан, Бломберг и Фрич. И в 1937 году мы уже начали формировать танковые корпуса, состоявшие из танковой и моторизованной дивизий; Гудериан же смотрел еще дальше и предвидел создание танковых армий.

Тем временем политическая обстановка становилась все более напряженной. Многие аспекты внутренней политики нацизма вызывали неприязнь профессиональных военных; но генерал Ханс фон Сект, создатель рейхсвера, выдвинул принцип, согласно которому армия должна оставаться в стороне от политики, и его точка зрения стала общепринятой в армии. Никому из германских офицеров не нравились фигляры «коричневорубашечники», а их попытки действовать как выдавшие виды солдаты вызывали только смех и презрение. Но Гитлер и не влил отряды СА в состав армии; наоборот, он ввел всеобщую воинскую обязанность и сосредоточил управление армией в руках Генерального штаба. Более того, его громадные успехи в области внешней политики, и в частности решение о перевооружении, встретили одобрение всего немецкого народа. Политика обретения Германией статуса великой державы была с энтузиазмом встречена и офицерским корпусом.

Все это отнюдь не означало, что мы хотели войны. Генеральный штаб всячески пытался сдерживать Гитлера, но его позиции ослабли, после того как Гитлер занял Рейнскую область вопреки советам Генштаба. В 1938 году Генеральный штаб решительно возражал против каких бы то ни было действий в Чехословакии, но нерешительность Чемберлена и Даладье побудила Гитлера пуститься в новые авантюры. Я прекрасно понимаю, что за границей Генеральный штаб воспринимается с изрядным подозрением, и сознаю, что мои слова о нашем нежелании вести войну будут встречены со скептицизмом. В подтверждение своих слов я могу лишь процитировать высказывание Сирила Фоллза, одного из ведущих британских военных публицистов, профессора военной истории Оксфордского университета. Он пишет: «В нашей стране мы считаем до определенной степени обоснованным упрекать германский Генеральный штаб в том, что он начал войну в 1914 году. Иногда мы поступаем аналогичным образом и в отношении ситуации 1939 года, но я согласен с господином Герлицем, что в этом случае подобное обвинение неоправданно. Вы можете обвинять в этом Гитлера, нацистское государство и партию, даже немецкий народ. Но Генеральный штаб не

³ Зейдлиц Фридрих Вильгельм (1721–1773) – прусский генерал, организатор кавалерии в армии Фридриха Великого. Он отличался рыцарским характером и гуманностью. В 1784 г. ему поставлен в Берлине памятник. (Примеч. пер.)

⁴ Цитен Ганс (1699–1785) – прусский генерал кавалерии. Участник Семилетней войны 1756–1763 гг. Образец мужества и отваги. (Примеч. пер.)

хотел войны с Францией и Англией, а после того как он оказался втянут в войну с ними, он не хотел войны с Россией»⁵.

Мирное разрешение судетского кризиса в октябре 1938 года стало громадным облегчением для армии. Я служил тогда в штабе III корпуса; наш штаб располагался неподалеку от Хиршберга в Силезии. В результате Мюнхенского соглашения мы смогли мирно войти в Судетскую область и, проходя маршем вдоль мощных чешских укреплений, с облегчением думали о том, каких кровопролитных сражений удалось избежать, сражений, основными жертвами которых стали бы судетские немцы. В каждом из попадавшихся по дороге селений нас тепло приветствовали местные жители, встречая цветами и флагами.

Несколько недель мне довелось быть офицером связи при Конраде Генлейне, лидере судетских немцев. Я узнал о многочисленных трудностях, которые испытывали эти германоязычные жители приграничья, о тех культурных и экономических притеснениях, которые им чинились.

Вера в Гитлера поднялась после этих событий на новую ступень, но после присоединения Богемии в марте 1939 года в международной ситуации стал нарастать кризис. К тому времени я уже вернулся в Берлин и был чрезвычайно занят подготовкой гигантского парада в честь 50-летия Гитлера. Парад этот был задуман как демонстрация мощи нашей армии; во главе каждой из колонн шли знаменосцы, которые несли овеванные славой победоносные стяги вермахта.

Я всячески стремился отойти от подобного рода службы – устал от этого военного цирка, страстно желая снова вернуться в действующую армию. Мне удалось договориться о своем переводе на год в 5-й танковый полк⁶, куда я должен был прибыть 1 октября 1939 года. Но вскоре польский кризис отодвинул в сторону все остальное, и я с головой ушел в штабную работу по проработке деталей этой операции.

Несмотря на военные приготовления на восточной границе и все возрастающее напряжение в наших отношениях с Британией и Францией, мы продолжали надеяться на то, что наши претензии на Данциг – исконно германский город – не приведут к конфликту мирового масштаба. Будучи предъявленным в другое время и в другой манере, наше требование о возврате Данцига было бы удовлетворено в полном объеме. Но сделанное так, как оно было сделано – сразу же после аннексии Чехословакии, – требование это с неизбежностью породило самое серьезное беспокойство в Лондоне и Париже. В 1945 году, когда я уже был военнопленным, мне рассказывал генерал Гейр фон Швеппенбург, бывший военный атташе в Лондоне, что Гитлер был убежден – вторжение в Польшу не приведет к войне с западными державами. Он проигнорировал предостережение своего военного атташе о том, что в этом случае Великобритания непременно объявит войну, и рассчитывал на то, что пакт о ненападении с Россией поможет урегулировать этот вопрос.

В последние дни августа 1939 года колонны III корпуса прогрохотали по улицам Берлина, направляясь к границе с Польшей. В самой атмосфере этого лета ощущалось напряжение; мы все понимали: хорошо это или плохо, но Германия переходит Рубикон. На улицах не было и следа тех ликующих толп людей, которые я мальчишкой десяти лет запомнил по 1914 году. Никто – ни военные, ни население – не проявлял никакого энтузиазма. Солдаты Германии маршировали на восток, полные решимости выполнить свой долг до конца.

⁵ *Gorlitz W.* The German General Staff. London, 1953. P. 9.

⁶ Впоследствии входивший в состав знаменитой 21-й танковой дивизии Роммеля.

Часть первая

Польша, Франция и Балканы

1

Польская кампания

Германская армия вошла в Польшу в 4 часа 45 минут 1 сентября 1939 года; вступлению передовых частей сухопутных войск предшествовали мощные атаки люфтваффе на польские аэродромы, железнодорожные узлы и мобилизационные центры. С самого начала нападения мы получили абсолютное превосходство в воздухе, в результате чего развертывание польской армии было сильно затруднено. Наши механизированные колонны рванулись через границу и вскоре значительно углубились на польскую территорию.

В мои намерения не входит рассматривать в подробностях всю польскую кампанию, поскольку германское превосходство было столь очевидным, что войсковые операции не представляют какого-либо особого интереса для изучающих стратегию и тактику. Поэтому я позволю себе обобщить причины нашего успеха и кратко расскажу о собственном опыте, полученном в ходе этой кампании.

По своей численности польская армия была весьма внушительной и внешне вполне могла создать впечатление, пестовавшееся польским правительством и прессой, что Польша стала великой державой. На бумаге польская армия располагала 30 дивизиями первого эшелона, 10 резервными дивизиями и 11 кавалерийскими бригадами. Но, как я уже отметил, польская мобилизационная система была в значительной степени нарушена атаками с воздуха, так что даже те формирования, которые были отобилизованы, обнаружили, что их возможности к передвижению серьезно ограничены, а система снабжения практически разрушена. Располагая только несколькими сотнями современных самолетов и недостаточным количеством зенитной артиллерии, польские вооруженные силы были просто не в состоянии бросить в бой свои значительные по численности войска. Более того, польские дивизии, с их вооружением, не отвечающим требованиям современной войны по огневой мощи, и устаревшим оснащением, были сравнимы по своей реальной силе с германскими полками. У поляков было весьма незначительное количество танков и броневых автомобилей, их противотанковая артиллерия оказалась совершенно неэффективной, а большая часть их вооружения, как и у итальянцев, относилась еще к периоду Первой мировой войны. Лучшими польскими частями, вне всякого сомнения, были кавалерийские бригады, сражавшиеся с необыкновенной отвагой – в одной стычке они даже бросились на наши танки с шашками наголо. Но вся эта отвага и напористость, столь часто выдаваемая поляками, никак не могла компенсировать недостаток современного вооружения и серьезной тактической подготовки.

Вся тяжесть ответственности за состояние армии страны в 1939 году целиком ложится на польскую военную клику. На состояние ее вооружения и оснащения могли повлиять экономические факторы, но ничто не сможет послужить им извинением за недооценку влияния огневой мощи на современную тактику.

Такая же интеллектуальная немощь была продемонстрирована и в области стратегии. Правда, поляки законно могли надеяться на то, что французская армия и военно-воздушный флот Великобритании смогут связать значительные германские силы на Западе, но даже в этом случае в их планах все равно отсутствовало чувство реальности. Но вместо того чтобы выиграть время посредством стратегического отхода, польское командование уделяло вни-

мание лишь Познани и Польскому коридору⁷, стараясь сосредоточить все имеющиеся силы на фронте в 800 миль от Литвы до Карпат, и даже сформировало особую штурмовую группу для вторжения в Восточную Пруссию. Таким образом, польское Верховное командование сделало все возможное для того, чтобы раздробить имеющиеся у него силы.

Подобное расположение польской армии наилучшим образом способствовало выполнению германского плана.

Мы напали на Польшу силами 44 дивизий и 2 тысяч самолетов. Самые минимальные силы германской армии были оставлены, чтобы удерживать Западный вал⁸, который был все еще далек от завершения. Фактически вся ударная сила вермахта была брошена к польской границе в обоснованной надежде обрести быструю и легкую победу (см. карту 1).

Группа армий «Север» под командованием генерал-полковника фон Бока состояла из 3-й и 4-й армий, при этом последняя двигалась в направлении Данцига и Польского коридора, в то время как 3-я армия была сконцентрирована в Восточной Пруссии для нанесения удара на Варшаву. Задача 4-й армии состояла в прорыве «коридора» и соединении с 3-й армией для последующего наступления на польскую столицу.

Группа армий «Юг» генерал-полковника фон Рундштедта, состоявшая из 8, 9 и 14-й армий, была развернута в Силезии и Словакии. Основной удар этой группы армий также был направлен на Варшаву, она представляла собой вторую половину гигантских клещей, которые должны были сомкнуться с целью окружения польских войск в Познани, а по существу всех сил к западу от Вислы. Две эти группы армий соединялись между собой легкими вспомогательными силами, развернутыми напротив Познани и прикрывающими основную дорогу на Берлин. Подобное расположение сил со слабым центром и двумя мощными атакующими флангами было традиционным для германской стратегии и восходило своими корнями к классическому труду графа Шлиффена⁹ о победоносной битве Ганнибала при Каннах.

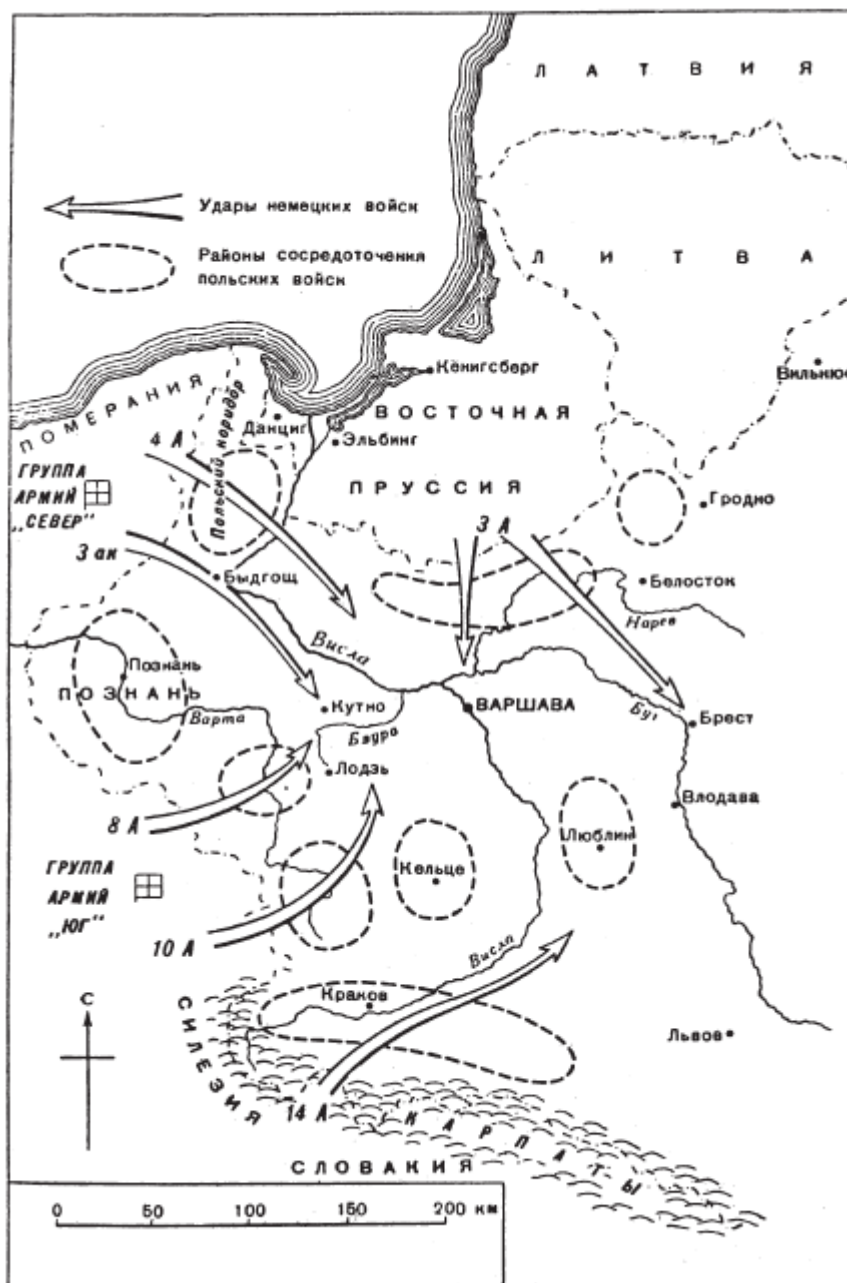
Немецкие войска имели шесть танковых и четыре легкие дивизии. Каждая танковая дивизия состояла из одной танковой бригады и одной мотострелковой бригады. Танковая бригада состояла из двух танковых полков по 125 танков в каждом, а мотострелковая бригада имела в своем составе два мотострелковых полка и мотоциклетный батальон. Легкие дивизии состояли каждая из двух полков мотопехоты по три батальона в каждом и одного танкового дивизиона¹⁰.

⁷ П о л ь с к и й к о р и д о р, Данцигский коридор – наименование в 1919–1945 гг. полосы земли, полученной Польшей по Версальскому мирному договору 1919 г. и дававшей ей доступ к Балтийскому морю. Заканчивался узкой полосой морского побережья, всего в 71 км; ширина Польского коридора не превышала 200 км. (*Примеч. ред.*)

⁸ З а п а д н ы й в а л – система немецких фортификационных сооружений вдоль западных границ Германии от Люксембурга на севере до Швейцарии на юге. Строительство Западного вала продолжалось и после начала, и во время Второй мировой войны, но так и не было завершено. (*Примеч. пер.*)

⁹ Ш л и ф ф е н Альфред фон (1833–1913) – граф, германский военный теоретик, генерал-фельдмаршал (1911). В 1891–1905 гг. начальник Генштаба. Будучи одним из идеологов германского милитаризма, разработал теорию окружения и уничтожения противника путем решительного удара по одному или двум флангам. (*Примеч. пер.*)

¹⁰ Организация легких дивизий не оправдала себя, и после кампании они были преобразованы в танковые дивизии.

Карта 1. Польская кампания 1939 года

В этой кампании качество материальной части, которой мы располагали, оставляло желать много лучшего. У нас было несколько танков «Т-IV» с 75-мм пушками с низкой начальной скоростью снаряда, незначительное число танков «Т-III», вооруженных совершенно неудовлетворительными 37-мм пушками¹¹; основу же наших бронетанковых сил составляли танки «Т-П», имевшие на вооружении только тяжелый пулемет. Более того, как стратегия, так и тактика танковых войск находились в зачаточном состоянии. Но к счастью, механизированными дивизиями, действующими с группой армий «Север», командовал генерал Гудериан. Благодаря тщательному изучению и проведенным накануне войны экспери-

¹¹ Эта пушка намного уступала английским 2-фунтовым пушкам.

ментам он прекрасно понимал все возможности танков и, что было особенно важно, необходимость их совместного применения с артиллерией и пехотой в рамках танковой дивизии.

Гудериан предвидел неизбежное создание танковых армий, и в этой кампании он управлял своими двумя танковыми и двумя легкими дивизиями, входящими в группу армий «Север», как единым целым. Он осознал, что если бронетанковые формирования слишком тесно связаны с полевыми армиями или армейскими корпусами, то их самое ценное качество – подвижность – не может быть в полной мере использовано. Его взгляды не разделялись в группе армий «Юг», в которой танки были распылены между различными армиями и корпусами.

Когда кампания началась, я занимал должность начальника разведки III корпуса, которым командовал генерал Гаазе. Это был тот самый берлинский корпус, в котором я служил в мирное время, и состоял он из 50-й и 208-й пехотных дивизий. Мы входили в состав 4-й армии, перед нами была поставлена задача наступать из Померании до Вислы восточнее Бромберга (ныне г. Быдгощ в ПНР. – *Пер.*) и отрезать пути отступления польских войск, удерживавших коридор. XIX корпус Гудериана двигался севернее и достиг столь быстрого и впечатляющего успеха, что сопротивление на нашем фронте совершенно прекратилось. Уже в первые дни вторжения мы взяли сотни пленных при ничтожно малых потерях.

Тем не менее операции эти имели довольно большое значение для наших войск, они получили боевое крещение и увидели разницу между маневрами мирного времени и настоящей войной. Уже в самом начале кампании я узнал, насколько «нервными» становятся люди даже в хорошо подготовленных частях в боевых условиях. Однажды над командным пунктом нашего корпуса сделал несколько кругов довольно низко летевший самолет, и буквально все открыли по нему беспорядочную стрельбу, из первого попавшегося под руку оружия. Находившийся при штабе офицер связи люфтваффе старался прекратить стрельбу, крича возбужденным людям, что это немецкий разведывательный и связной самолет. Вскоре самолет приземлился, из него вышел генерал авиации, ответственный за нашу непосредственную поддержку с воздуха. Оценить случившееся в качестве шутки ему не было дано.

5 сентября передовые части нашего корпуса подошли к Бромбергу, где никакого серьезного сопротивления не ожидалось. Я находился в боевых порядках этих передовых частей, которые стремились поскорее проникнуть в город и освободить большое число немцев, живших здесь. Но нам пришлось столкнуться с яростным и упорным сопротивлением польского арьергарда, поддержанного многими вооруженными горожанами. Сломив его и ворвавшись в город, мы обнаружили, что поляки хладнокровно перебили сотни наших соотечественников, живших в Бромберге. Их мертвые тела буквально устилали улицы.

Тем временем германские армии наступали по всему фронту. К 7 сентября группа армий «Юг» заняла Краков и продолжила наступление на Кельце и Лодзь, Польский коридор был «взломан», и 3-я и 4-я армии соединились. Главные силы 4-й армии стали продвигаться к Варшаве вдоль правого берега Вислы, но 11 сентября III корпус был придан 8-й армии и получил приказ наступать западнее Вислы на Кутно. Мне же было приказано вылететь на командный пункт 8-й армии, находившийся где-то неподалеку от Лодзи, доложить там о нашем положении и получить дальнейшие распоряжения.

Взлетели мы в ясную погоду, сделали круг над нашими передовыми частями, затем пересекли широкую полосу польской территории, где увидели дороги, забитые плотными колоннами войск и гражданских беженцев, уходивших на восток, а потом углубились в зону, где могли ожидать увидеть передовые части 8-й армии. Я всегда относился к авиации с изрядной долей скептицизма, поэтому ничуть не удивился, когда мотор стал давать перебои в тот момент, когда мы находились над территорией, неизвестно кем занятой. Не оставалось другого выхода, как идти на вынужденную посадку. Когда же мы с пилотом выбрались из

самолета, то недалеко увидели несколько групп солдат в оливково-зеленой форме – определенно поляков. Мы уже было схватились за автоматы, как вдруг услышали отданные на немецком языке команды – это был передовой отряд «организации Тодта»¹², занятый ремонтом мостов и дорог.

После моего доклада командующему 8-й армией меня ввел в курс событий начальник штаба генерал Фельбер. Он сообщил, что 8-я армия только что преодолела серьезный кризис на своем северном фланге. 30-я пехотная дивизия, которая удерживала широкий фронт на реке Бзура, была атакована превосходящими польскими силами, отходящими от Познани к Варшаве. Эта группа из четырех пехотных дивизий и двух кавалерийских бригад была поддержана другими польскими частями, скопившимися в районе к западу от Варшавы. Чтобы избежать серьезных осложнений, 8-я армия была вынуждена приостановить наступление на Варшаву и прийти на выручку 30-й дивизии. Атаки поляков были отбиты, и теперь 8-я армия сама начала форсировать Бзуру с целью окружения и уничтожения весьма значительных польских сил в районе Кутно. III корпусу предстояло закрыть образовавшуюся между наступающими войсками брешь на западе.

В течение этой недели мы сжимали кольцо окружения вокруг Кутно, отбивая отчаянные попытки прорыва окруженных польских сил. Ситуация во многом напоминала окружение русских под Танненбергом в 1914 году. 19 сентября остатки девятнадцати польских дивизий и трех кавалерийских бригад общей численностью до 100 тысяч человек сдались в плен 8-й армии.

Этот же день фактически стал последним днем польской кампании. Танковый корпус Гудериана, значительно оторвавшись от пехотных подразделений группы армий «Север», форсировал реку Нарев и 14 сентября прорвал укрепления Брест-Литовска. 17 сентября Гудериан соединился с танковым авангардом группы армий «Юг» в районе Влодавы на реке Буг. Таким образом, кольцо окружения замкнулось, и в нем оказалась практически вся польская армия. Осталось еще ликвидировать несколько котлов, в которых сражались окруженные польские части, а упорная оборона Варшавы поляками продолжалась до 27 сентября.

В соответствии с соглашением, подписанным в Москве 26 августа¹³, русские войска вступили в Польшу 17 сентября, а наши части оставили Брест-Литовск и Лемберг (Львов. – *Пер.*), отойдя на предварительно согласованную демаркационную линию. Победа в Польской кампании была блестящей, хотя многих из нас волновало значительное расширение советской власти на запад.

¹² «О р г а н и з а ц и я Т о д т а» – полувоенная правительственная организация, созданная в 1933 г. для строительства и ремонта автомобильной и железнодорожной сети в целях улучшения возможностей переброски войск в случае войны.

¹³ Имеется в виду так называемый пакт Молотова – Риббентропа, т. е. договор о ненападении, заключенный в 1939 г. в Москве. Подписан 23 августа. В тексте книги ошибочно указано число – 26 августа. (*Примеч. пер.*)

2

Завоевание Франции

Ситуация на западе

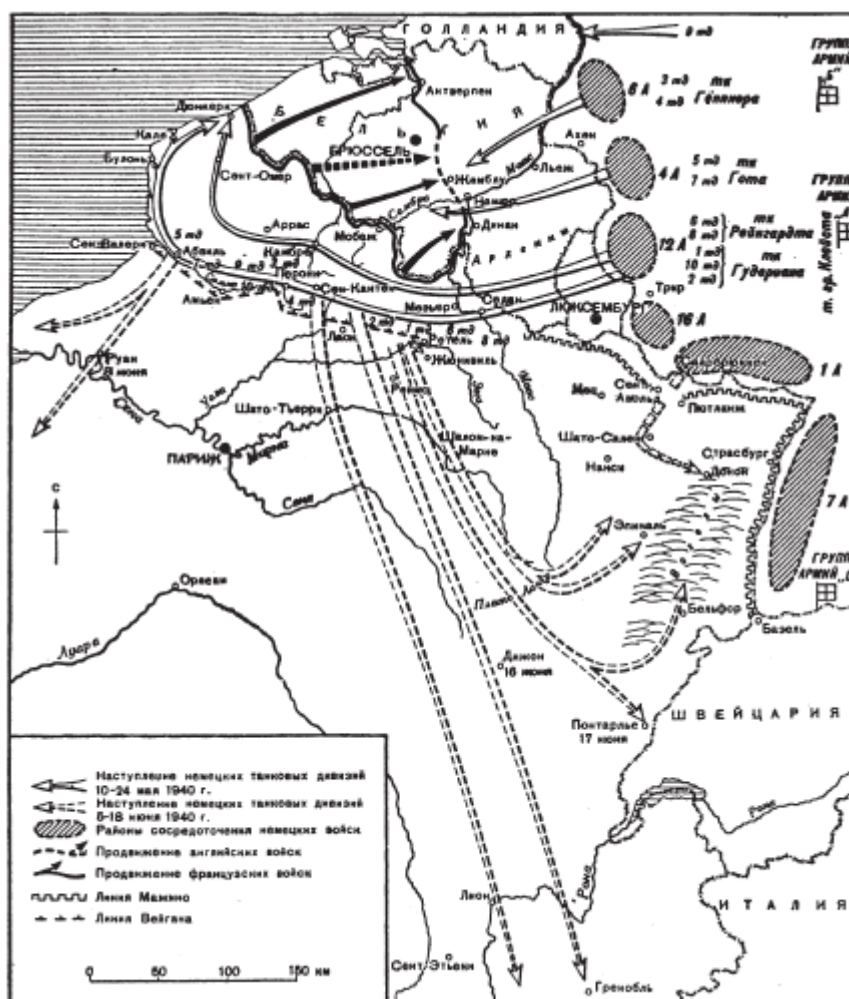
Еще до полного окончания польской кампании III корпус был отведен на запад, и в начале октября мы оказались в секторе к северу от Трира. Мой второй брат, бывший до войны высокопоставленным чиновником в лесном министерстве, служил теперь командиром взвода резервной дивизии неподалеку от Саарбрюккена, и мне удавалось видеться с ним. Поездки к нему дали мне возможность своими глазами увидеть знаменитый Западный вал, или линию Зигфрида.

Вскоре я осознал, какой авантюрой была вся польская кампания и на какой опасный риск пошло наше Верховное командование. Занимавшие Западный вал войска второй линии были плохо вооружены и недостаточно подготовлены. Что же касается самой линии обороны, то она была весьма далека от тех неприступных укреплений, какими ее рисовала наша пропаганда. Укрепления толщиной более трех футов (около 90 см. – *Пер.*) были редкостью, да и все сооружения в целом вряд ли смогли бы устоять против обстрела тяжелой артиллерией. Лишь небольшое количество из укреплений были расположены так, чтобы вести продольный огонь, а большинство из них фронтальный огонь неприятеля разнес бы на части без малейшего риска для нападающих. Западный вал строился в такой спешке, что большинство позиций были оборудованы на передних склонах возвышенностей. Противотанковые препятствия были скорее символическими, и чем больше я смотрел на эту линию обороны, тем меньше понимал полную пассивность французов.

Если не считать поисков разведчиков в отдаленном районе Саарбрюккена, французы вели себя очень мирно и не беспокоили защитников Западного вала. Такое бездействие отрицательно сказывалось на боевом духе французских войск и, как мы считали, принесло гораздо больше вреда врагу, чем вся наша пропаганда, сколь бы эффективной она ни была.

Когда в октябре 1939 года предложение Гитлера о мире было отвергнуто, первой его реакцией на это было подписать приказ о начале нового блицкрига. Он опасался, что с каждым месяцем промедления союзники по антигитлеровской коалиции будут наращивать свою мощь; кроме того, никто на самом деле не верил в долговечность нашего пакта с Россией. Она уже продолжила свое вторжение в Польшу оккупацией Прибалтийских республик; в ноябре Красная армия напала на Финляндию. Грозная тень, вздымавшаяся на Востоке, была еще одной причиной для того, чтобы искать победы на Западе.

Первоначально наше наступление было запланировано на ноябрь, но плохая погода не давала развернуться авиации и заставила нас несколько раз откладывать начало операции. Армия проводила зиму в интенсивной боевой подготовке и в крупномасштабных маневрах. Я получил новое назначение – начальником штаба 297-й пехотной дивизии; дивизия вела подготовку в районе Позена (ныне Познань. – *Пер.*) в пронизывающем холоде здешней зимы. При температуре от 20 до 30 градусов мороза наши полевые занятия и боевые стрельбы проходили на всех уровнях без какого-либо перерыва.

Карта 2. Французская кампания 1940 года

В марте 1940 года дивизию инспектировал известный генерал фон Манштейн, в то время командир корпуса, бывший фактически разработчиком плана наступления на Западе, который должен был привести нас к небывалому успеху¹⁴.

Мое собственное участие во французской кампании ограничивается действиями в Лотарингии. Мне не довелось участвовать в знаменитом походе через всю Северную Францию к Английскому каналу (пролив Ла-Манш. – *Пер.*). Тем не менее я намерен рассмотреть всю кампанию, поскольку она представляется весьма значительной для развития тактики бронетанковых войск.

План

Немецкий план наступления на Западе в значительной степени напоминал знаменитый план Шлиффена периода Первой мировой войны, *Schwerpunkt*¹⁵ также находился на правом фланге, но «охватное» движение планировалось несколько шире, чем в 1914 году, и включало Голландию. Проведение этой операции было поручено группе армий «Б» генерал-пол-

¹⁴ Я знаю, что британская официальная история преуменьшает роль Манштейна, но для меня свидетельства Гудериана и других генералов и офицеров представляются решающими. Лиддел Харт также придерживается точки зрения, что Манштейн был создателем этого плана.

¹⁵ Здесь: направление главного удара.

ковника фон Бока; в нее должны были войти все наши десять танковых дивизий, и главный удар наносился по обе стороны Льежа. Группе армий «А» (командующий генерал-полковник фон Рундштедт) предстояло поддержать наступление, пересечь Арденны и отбросить неприятельскую пехоту к реке Маас, в то время как группа армий «Ц» генерал-полковника фон Лееба должна была занять оборонительную позицию перед линией Мажино.

Целесообразность этого плана вызывала сомнения. Генерал фон Манштейн, тогда начальник штаба группы армий «А», возражал, в частности, против того, чтобы сосредоточивать главные усилия на правом фланге, что, по его мнению, должно было привести к фронтальному столкновению наших танков и лучших французских и бельгийских соединений в районе Брюсселя. Всего лишь повторить наш стратегический план 1914 года значило отбросить напрочь эффект неожиданности, всегда бывший вернейшим гарантом победы. Манштейн разработал хитроумный и в высшей степени оригинальный план. Основной удар все так же наносился на нашем правом фланге, группа армий «Б» должна была вторгнуться в Голландию и Бельгию силами трех танковых дивизий¹⁶ и всеми имеющимися у нас воздушно-десантными войсками. Наступление группы армий «Б» планировалось мощным, чтобы отвлечь внимание противника, и должно было сопровождаться высадкой парашютных десантов в важных пунктах Бельгии и Голландии. Почти не существовало сомнений в том, что противник примет наступление как главный удар и постарается поскорее перебросить свои силы через франко-бельгийскую границу с намерением достичь рубежа Мааса и прикрыть Брюссель и Антверпен. Чем больше сил он бросит в этот район, тем скорее будет разбит.

Решающая же роль отводилась группе армий «А». В нее должны были входить три армии – 4, 12 и 16-я – и танковая группа Клейста. 4-я армия, включавшая танковый корпус Гота¹⁷, должна была наступать к югу от Мааса и форсировать его в районе Динана. Главный удар планировалось нанести в полосе нашей 12-й армии танковой группой Клейста. Она состояла из танкового корпуса Рейнгардта (6-я и 8-я танковые дивизии), танкового корпуса Гудериана (1, 2 и 10-я танковые дивизии) и моторизованного корпуса Витерсгейма (пять моторизованных дивизий). Им предстояло пересечь Арденны (предполагалось, что эта труднодоступная для танков местность плохо защищалась французами) и форсировать Маас в районе Седана. Затем они должны были быстро развернуться к западу и выйти во фланг и тыл вражеских сил, сосредоточенных под Брюсселем. Их левый фланг первоначально должна была прикрывать 16-я армия.

Таким был план, одобренный Верховным командованием вооруженных сил Германии по совету и под влиянием Манштейна. Надо заметить, что это предложение Манштейна было поддержано далеко не всеми и чаша весов склонилась в его пользу только после довольно курьезного инцидента. В январе 1940 года германский самолет сбился с маршрута и совершил вынужденную посадку на бельгийской территории. Офицер, летевший на нем, имел при себе экземпляр первоначального плана, и мы не могли быть уверены, что пакет с планом уничтожен. Поэтому было решено принять план Манштейна, к которому склонялся и сам Гитлер.

Седан

В 5 часов 35 минут 10 мая 1940 года передовые части германской армии пересекли границы Бельгии, Люксембурга и Голландии. Как и в Польше, мы имели полное превосходство

¹⁶ Танковый корпус Гёппнера в составе 3-й и 4-й танковых дивизий должен был пересечь бельгийскую границу и двигаться в направлении Брюсселя, в то время как 9-й танковой дивизии предстояло действовать в Южной Голландии.

¹⁷ Состоявший из 5-й и 7-й танковых дивизий.

в воздухе, но ни единой попытки не было помешать движению британских и французских войск, вступавших в Бельгию и Южную Голландию. Германское Верховное командование было в восторге от того, что противник реагирует на наше наступление именно так, как мы и рассчитывали.

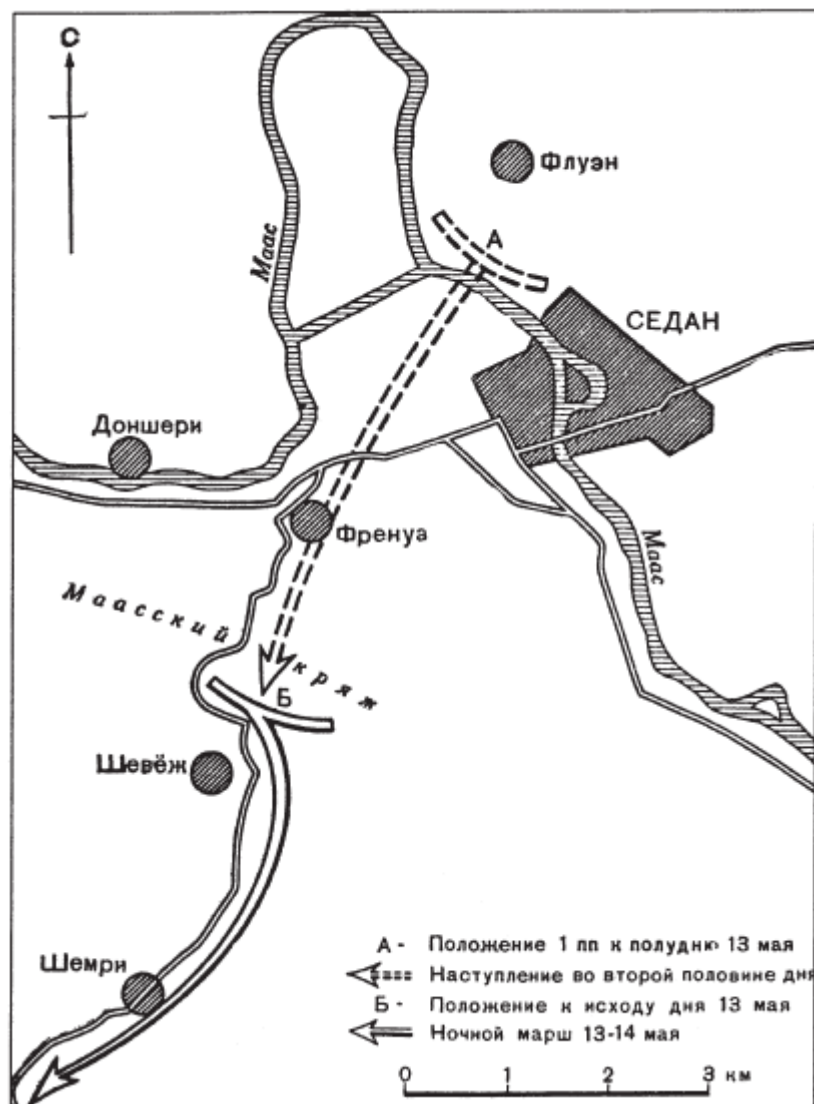
Ключ к успеху наступления находился у танковой группы Клейста, которая углубилась в поросшие лесом холмы Арденн и продвигалась в направлении Мааса. Я должен отметить, что своими победами в мае 1940 года Германия была обязана прежде всего искусному применению двух великих принципов военного искусства – внезапности и концентрации сил. Фактически германская армия уступала армиям противостоящих ей союзников, причем не только по числу дивизий, но и в основном по количеству танков. Тогда как объединенные франко-британские силы располагали примерно 4 тысячи танков, германская армия имела лишь 2800 машин. Не было у нас также и какого-либо реального преимущества в качестве. Танки союзников, и особенно британские «матильды», имели более мощную броню, чем наши танки, а 37-мм пушка нашего «Т-III» – основного типа германского боевого танка – была слабее британской 2-фунтовки. Но решающим фактором нашего успеха было то, что для прорыва фронта между Седаном и Намюром мы сосредоточили семь из наших десяти танковых дивизий, причем пять из них были сконцентрированы в секторе Седана. Военные руководители союзников, особенно французы, мыслили все еще в категориях линейной тактики Первой мировой войны и распределили свои танки между пехотными дивизиями. Британская 1-я бронетанковая дивизия еще даже не прибыла во Францию, и формирование четырех французских бронетанковых дивизий находилось на начальном этапе. Французы даже не рассматривали вопрос массированного применения своих бронетанковых дивизий. Распылив свои танки по всему фронту от швейцарской границы до Английского канала, французское Верховное командование сыграло нам на руку и могло винить лишь самих себя за ту катастрофу, которая последовала за этим их решением¹⁸.

Танковая группа Клейста не встретила никакого сопротивления в Люксембурге, а в Арденнах слабое сопротивление французской кавалерии и бельгийских стрелков было быстро подавлено. Местность, вне всякого сомнения, была достаточно трудной, но тщательно спланированный контроль движения техники и предусмотрительно проведенная штабная работа позволили почти без инцидентов осуществить бросок бронетанковых и моторизованных дивизий, двигавшихся колоннами длиной по 60 миль. Враг был совершенно не готов к массированному удару в этом районе, его слабое сопротивление была смято, и вечером 12 мая авангард танкового корпуса Гудериана подошел к реке Маас и занял город Седан. Клейст решил форсировать Маас во второй половине дня передовыми частями этого танкового корпуса. Для этого больше всего подходили пехотные дивизии, но было жизненно важно воспользоваться замешательством противника и не дать ему возможности прийти в себя. Для поддержания форсирования реки с воздуха были выделены мощные формирования авиации.

Я располагаю описанием этого сражения, сделанным командующим 1-м стрелковым полком 1-й танковой дивизии полковником Бальком¹⁹. Вечером 12 мая его полк подошел к Маасу южнее Флуэна и остановился, готовый к атаке. Все офицеры и солдаты знали свою задачу; уже несколько месяцев они отрабатывали форсирование реки и изучали карты и аэрофотоснимки местности. Наша разведка добыла точные сведения о французской обороне вплоть до отдельных укрепленных пунктов.

¹⁸ Три французские механизированные дивизии, имеющие каждая около 200 танков, входили в состав войск, вступивших в Бельгию. Четыре французские бронетанковые дивизии имели каждая около 150 танков. Средняя численность бронетанковой дивизии в то время составляла примерно 260 танков.

¹⁹ Впоследствии генерал танковых войск, командир корпуса в России, командующий армиями в Польше и Венгрии и командующий группой армий на Западном фронте.

Карта 3. Седан, 13–14 мая 1940 года

Тем не менее утром 13 мая штабу 1-го стрелкового полка остановка представлялась угрожающей. Французская артиллерия была наготове, и малейшее движение на нашей стороне вызвало немедленный огонь. Германская артиллерия застряла на забитых войсками дорогах, а саперные подразделения, как и их громоздкое оборудование, еще не прибыли к реке. По счастью, пехотинцам привезли надувные лодки, но солдатам пришлось управляться с этим оборудованием без помощи саперов²⁰. Полковник Бальк отправил офицера связи в штаб корпуса, прося максимальной поддержки с воздуха и указывая на то, что успех атаки не может быть обеспечен, пока не подавлена французская артиллерия. Ее огонь делал всякое передвижение наших войск невозможным.

Около полудня наша авиация нанесла массированный удар, применив до тысячи самолетов, по противнику. «Юнкерсы» полностью подавили французскую артиллерию, которая так и не оправилась впоследствии от этого удара. Полковнику Бальку показалось, что оружейные расчеты просто-напросто разбежались и ничто не могло заставить их вернуться к

²⁰ Эта ситуация демонстрирует важность обучения пехотинцев и работе других родов войск – как в нашем случае с 1-м стрелковым полком.

своим орудиям. Полное подавление огня французов оказало замечательное действие на боевой дух полка. До начала воздушной поддержки солдаты старались поглубже спрятаться в отрытых траншеях, но теперь никто и не думал об укрытии. Солдат невозможно было удержать, все рвались вперед. Надувные лодки подходили к берегу и выгружались прямо на виду у французских дотов, не далее чем в 50 ярдах от них. Наши солдаты форсировали реку под столь мощным авиационным прикрытием, что даже не заметили отсутствия какой-либо артиллерийской поддержки. После форсирования реки все и дальше шло как по часам, так что к закату полк занял господствующие высоты на южном берегу Мааса. Французы были ошеломлены атакой с воздуха, и их сопротивление было незначительным, тем более что каждое подразделение полковника Балька в течение нескольких месяцев отрабатывало выполнение своей задачи.

Вечером полковник Бальк решил расширить занятый им плацдарм и выдвинуться по направлению к населенному пункту Шемри, расположенному более чем в 6 милях к югу от Мааса. Это было очень смелое решение. Не подошли еще ни артиллерия, ни танки, ни противотанковые орудия, а наведение понтонного моста через Маас продвигалось весьма медленно из-за постоянных и ожесточенных атак с воздуха. Но Бальк опасался того, что небольшой плацдарм может быть блокирован неприятелем, поэтому, несмотря на усталость своих солдат, он решил все же углубиться во французскую территорию. После ночного шестимильного марша Шемри был занят без какого-либо сопротивления.

Утром 14 мая положение обострилось, как и предвидел Бальк: французская бронетанковая бригада контратаковала, поддержанная низколетящими самолетами. По счастью, французы не смогли быстро организовать эту атаку; их танки двигались медленно и неуверенно, и к тому времени, когда они вышли на исходные позиции, уже подтянулись наши противотанковые орудия, а также подошли передовые части 1-й танковой бригады. Бой был коротким и жестоким; хотя французы отважно атаковали, они проявили мало умения, и вскоре уже около 50 их танков горели. Связь между подразделениями во французской танковой бригаде явно была на низком уровне, а современные радиостанции наших танковых подразделений давали им явное преимущество в быстроте маневра. Устаревшие французские самолеты несли большие потери от плотного пулеметного огня стрелкового полка.

Во время сражения, а также накануне, когда немецкие войска форсировали Маас, генерал Гудериан находился в первом эшелоне, и Бальк имел возможность консультироваться с ним лично.

Битва при Седане занимает важное место в истории танковых сражений. В то время обычно проводили резкое разграничение между пехотными и танковыми частями. Такой подход оказался ошибочным. Если бы полковник Бальк во время форсирования Мааса имел в своем распоряжении танки, все происходило бы гораздо проще. Было вполне возможно переправить через реку несколько отдельных танков, и тогда не пришлось бы бросать вперед пехотные части без какой-либо танковой поддержки ночью с 13 на 14 мая. Если бы французы провели более быструю и решительную контратаку, то мотострелковый полк оказался бы в критическом положении, но в тот момент было бы неразумно придавать танки пехоте – танковую бригаду следовало сохранить для решающего удара. Начиная с Седана танковые подразделения и пехота стали использоваться в смешанных боевых группах. Подобные *Kampfgruppen* (боевой отряд, штурмовая группа. – *Пер.*) стали воплощением старого, как сама война, принципа – сосредоточения всех родов войск в нужное время в одном месте.

Французская оборона на Маасе теперь уже полностью была сокрушена. Позиции на берегу реки удерживались резервными частями второго эшелона с немногочисленными противотанковыми орудиями, а боевой дух французов был окончательно сломлен после обстрела их позиций пикирующими бомбардировщиками. К северу от Мезьера генерал Рейнгардт двумя своими танковыми дивизиями форсировал Маас в нескольких местах, а

танковый корпус генерала Гота совершенно неожиданно для французов захватил Динан. 14 мая танковый корпус Гудериана расширил захваченный плацдарм к югу и западу от Седана и отбил несколько контратак французской 3-й бронетанковой дивизии. Бои здесь были очень упорными, и самые важные высоты по нескольку раз переходили из рук в руки.

15 мая германское Верховное командование несколько занервничало и запретило дальнейшее продвижение танковых корпусов до тех пор, пока пехотные дивизии 12-й армии, которые шли за танковой группой Клейста, не окажутся в состоянии прикрыть южный фланг. Но командиры танковых корпусов и дивизий, оценивая ситуацию, ясно видели, что можно добиться небывалой победы, если движение на запад продолжится, а у неприятеля не будет времени принять какие-либо контрмеры. В ответ на их настойчивые возражения командование дало добро на «расширение плацдарма», и 16 мая танковая группа Клейста прорвала французскую оборону и на полном ходу ринулась к морю.

Разгром

В то время как центр французской обороны был прорван у Седана, в Бельгии 13 и 14 мая развернулись ожесточенные танковые сражения. Танковый корпус Геппнера, наступая севернее Мааса, встретил значительно превосходящие его бронетанковые силы французов около Жамблу. Но, обладая превосходной выучкой и несравненно лучшей связью, танкисты Геппнера искусным маневром обошли французов и вынудили их отступить за реку Диль. Геппнеру было приказано не наступать прямо на Брюссель, а направить свои основные усилия вдоль реки Самбра для того, чтобы при необходимости оказать поддержку танковым корпусам, наступающим к югу от реки.

Продвижение Гудериана вдоль течения Соммы шло с удивительной быстротой. К вечеру 18 мая он был в Сен-Кантене, 19-го пересек старое поле битвы на Сомме, а к 20-му его авангард уже достиг Абвиля и вышел к Английскому каналу – армии союзников были рассечены пополам. Столь быстрое наступление было чревато серьезным риском, и у командования существовали опасения относительно безопасности южного фланга. 10-я танковая дивизия, механизированный корпус Витерсгейма и пехотные дивизии 16-й армии прикрывали наступающие войска с юга вдоль рубежей – Эны и Соммы. Кризис наступил 19 мая, когда французская 4-я бронетанковая дивизия под командованием генерала де Голля контратаковала под Лаоном и была отброшена, понесла большие потери. Для стратегии французов было очень типично использовать свои бронетанковые силы по частям – их 3-я бронетанковая дивизия была брошена в бой под Седаном 14–15 мая, а 4-я бронетанковая дивизия – под Лаоном 19 мая. Даже после нашего первоначального прорыва под Седаном французы еще имели шансы оказать серьезное сопротивление, если бы их Верховное командование не потеряло голову и воздержалось от контратак до тех пор, пока все возможные бронетанковые силы не были бы собраны для нанесения решительного удара.

Сильно теснимые группой армий «Б», союзные войска в Бельгии отступили от Брюсселя на рубеж Шельды, причем их левый фланг оказался у Арраса, всего лишь в 25 милях от Перонна, что на берегах Соммы. Если бы союзники смогли закрыть брешь Аррас – Перонн, они смогли бы отсечь наши танковые дивизии, прорвавшиеся к морю. 20 мая лорд Горт, командующий британскими экспедиционными силами, приказал контратаковать нас в районе Арраса 21 мая; была также сделана попытка заручиться поддержкой французских войск для более крупной операции по перекрытию столь важной бреши²¹. Французы заявили, что они не смогут начать наступление раньше 22 мая, но части британской 50-й дивизии и 1-й армейской танковой бригады начали боевые действия к югу от Арраса утром 21-го. Задей-

²¹ См.: The War in France and Flanders. 1939–1940. P. 87.

ствовавшие в наступлении силы были слишком малы, чтобы достичь какого-либо значительного результата, но они нанесли довольно большие потери 7-й танковой дивизии Роммеля. Наши 37-мм танковые пушки не могли, конечно, остановить тяжелые британские танки, поэтому потребовалось сосредоточение всей его артиллерии, и в частности 88-мм зенитных орудий, чтобы остановить британское наступление.

Южнее Соммы не происходило вообще ничего – французские части, собранные для контратаки, подвергались непрерывным бомбардировкам нашими самолетами. Официальная британская история войны отмечает²², что «в этот критический момент французское Верховное командование доказало свою полную неспособность управлять войсками». Было много совещаний, много разглагольствований, директив, но не было никаких решительных действий. Наша 4-я армия нанесла ответный удар, захватила Аррас и стала теснить англичан дальше на север. Положение союзников в Бельгии и Северной Франции вскоре стало катастрофическим.

Гудериан наступал к северу от Абвиля и 22 мая атаковал Булонь; танковый корпус Рейнгардта по ходу своего марша фланговыми силами взял 23 мая Сент-Омер. В результате этого передовые танковые дивизии оказались только в 18 милях от Дюнкерка, т. е. намного ближе к порту, чем главные силы англо-французских войск в Бельгии. Вечером 23 мая генерал фон Рундштедт, командующий группой армий «А», приказал своим бронетанковым дивизиям 24 мая выйти на линию канала между Сент-Омером и Бетюном. Главнокомандующий сухопутными силами генерал фон Браухич полагал, что операции против союзных армий на севере должны вестись под командованием одного военачальника и, более того, что наступление с целью окружения противника должно продолжаться без передышки. В соответствии с этим он 24 мая отдал приказ о переходе 4-й армии Рундштедта, в которой находились все танковые дивизии группы армий «А», под командование группы армий «Б» генерала фон Бока, которая мощно теснила войска союзников с востока. Но в тот же день полевой штаб Рундштедта посетил Гитлер и отменил приказ, отданный Браухичем²³. После его отъезда Рундштедт издал приказ, который гласил: «По приказу фюрера... общую линию Ланс – Бетюн – Айр – Сент-Омер – Гравлин (линию канала) не переходить». Когда Гитлер приказал Рундштедту возобновить 26 мая наступление, время было уже упущено и англичане сумели организовать отход войск к Дюнкерку²⁴.

Таким образом, Дюнкерк не стал триумфом, которого германская армия по праву заслужила, он обернулся, тем не менее, сокрушительным поражением для союзников. В Бельгии французская армия потеряла большую часть своих бронетанковых и механизированных подразделений и осталась всего лишь с 60 дивизиями, которыми ей пришлось удерживать длинный фронт от швейцарской границы до Ла-Манша. Британские экспедиционные силы лишились всех своих орудий, танков, транспортных средств и могли теперь оказывать французам лишь незначительную поддержку на рубеже Соммы²⁵. В конце мая наши танко-

²² См.: The War in France and Flanders. 1939–1940. P. 103.

²³ Британская официальная история, как представляется, придает слишком большое значение влиянию Рундштедта, поскольку документы, приводимые майором Эллисом, показывают, что решение Гитлера было весьма важным. Даже если принять за данность то, что Гитлер решил отменить приказ Браухича по совету Рундштедта, все же ответственность ложилась целиком на Гитлера. Майор Эллис спорит по поводу значительности «приказа об остановке», но, думается, последнее слово по этому поводу еще не сказано. Так, в частности, не исследованы французские документы, касающиеся этого факта.

²⁴ См.: The War in France and Flanders. 1919–1940. P. 346–350. 25 мая британский патруль сумел захватить под Ипром германский штабной автомобиль, в котором оказались документы чрезвычайной важности. Как указывается на с. 148, этот инцидент имел важнейшее значение, поскольку в результате его лорд Горт перебросил две дивизии на северный участок фронта и обеспечил отход войск к морю.

²⁵ Лишь 51-я шотландская и 1-я бронетанковая дивизия остались боеспособными.

вые дивизии начали движение в южном направлении. Это стало началом приготовления к новому наступлению на так называемую линию Вейгана²⁶.

На последнем этапе французской кампании план германского Верховного командования предусматривал нанесение трех основных ударов. Группа армий «Б» в составе шести танковых дивизий должна была прорвать линию фронта между Уазой и морем и наступать к низовью Сены в районе Руана. Через несколько дней группе армий «А» предписывалось наступление по обе стороны от Ретеля в глубь Франции, до плато Лангр. По мере выполнения этих задач группе армий «Ц» была поставлена задача атаковать линию Мажино и прорвать ее между городом Мецем и Рейном.

К началу июня германские танковые войска были сгруппированы следующим образом. Танковый корпус Гота, состоящий из 5-й и 7-й танковых дивизий, располагался в районе Абвиля, в распоряжении 4-й армии. Танковая группа Клейста стояла между Амьеном и Перонном, в нее входили танковый корпус Витерсгейма (9-я и 10-я танковые дивизии) и танковый корпус Гёппнера (3-я и 4-я танковые дивизии). Из танковых дивизий в районе Ретеля была сформирована новая танковая группа под командованием Гудериана – в нее вошли танковый корпус Шмидта (1-я и 2-я танковые и 29-я моторизованная дивизии) и танковый корпус Рейнгардта (6-я и 8-я танковые и 20-я моторизованная дивизии).

В начале июня противник еще больше ослабил свои бронетанковые силы плохо спланированной попыткой атаки наших плацдармов в районе Абвиля и Амьена. 5 июня перешла в наступление группа армий «Б», а танковый корпус Гота вклинился в оборону противника. Неприятель был не в силах удержать нас в пределах плацдарма Абвиля, и 7-я танковая дивизия под командованием генерала Эрвина Роммеля стала быстро продвигаться по направлению к Сене. 8 июня он был уже в Руане и, воспользовавшись полным замешательством противника, развернул свои силы к морю и отсек британскую горную дивизию и значительные силы французов в районе Сен-Валери.

Но восточнее германское наступление развивалось не столь гладко. Танковая группа Клейста безуспешно пыталась вырваться с плацдармов у Амьена и Перонна; французские войска в этом районе сражались с чрезвычайным упорством и нанесли нам значительные потери. 9 июня пошла в наступление группа армий «А»; главной ее задачей было захватить плацдарм на южном берегу Эны. Задача эта была поручена пехоте 12-й армии, и, хотя пехотинцы не смогли форсировать реку в районе Ретеля, они все же заняли три плацдарма западнее города. В ночь с 9 на 10 июня через реку был наведен мост, после чего танковая группа Шмидта форсировала Эну.

10 июня начались ожесточенные бои; местность была достаточно трудной, с многочисленными деревнями и лесами, французы упорно оборонялись. Эти очаги сопротивления были отданы для подавления пехотным полкам, в то время как танковые части, обходя их, двинулись на юг так далеко, как только могли. Во второй половине дня 10 июня французские резервы, включая недавно сформированную танковую дивизию, нанесли контрудар из Жюнивиля по флангу наших танковых сил, но в результате танкового сражения, продолжавшегося два часа, были отброшены назад. В ночь с 10 на 11 июня Гудериан перебросил танковый корпус Рейнгардта на занятый плацдарм, который уже достиг 12 миль в глубину. 11 июня танки Рейнгардта отбили несколько контратак французских бронетанковых и механизированных бригад.

Успех Гудериана и неудача фон Клейста были результатом различия их методов. Атаки последнего из амьенского и пероннского плацдармов показали, что бесполезно бросать в бой бронетанковые силы на хорошо подготовленные к обороне позиции противника, ожи-

²⁶ 20 мая генерал Вейган, бывший начальник штаба маршала Фоша, принял командование у смещенного с этого поста генерала Гамелена.

дающего нападения и намеренного отбить его. Напротив, танки Гудериана не были введены в бой, пока пехота не закрепились на противоположном берегу Эны.

После отпора, данного фон Клейсту французами на Сомме, германское Верховное командование продемонстрировало свою способность гибко реагировать на изменяющуюся обстановку, перебросив его танковую группу в район Лаона. Здесь Клейст сразу добился успеха, продвинувшись вперед при слабом сопротивлении противника так далеко, что его авангард вышел к Марне в районе Шато-Тьерри 11 июня. На следующий день танки Гудериана подошли к реке у Шалона. Восемь танковых дивизий стремительно двигались вперед, обходя с двух сторон Реймс, а у противника не было сил, чтобы остановить их.

В отличие от 1914 года занятие Парижа не играло какой-либо роли в стратегических планах германского командования. Город уже не представлял собой крупную крепость, из которой могла угрожать нам резервная армия. Французское правительство объявило Париж открытым городом²⁷, а германское Верховное командование фактически никак не рассматривало это место в своих расчетах – вступление наших войск в город 14 июня стало всего лишь эпизодом в ходе этой кампании. Тем временем танковый корпус Гота шел в направлении Нормандии и Бретани, танковая группа фон Клейста пробивалась к плато Лангр, а танковая группа Гудериана, развернувшись к востоку, двинулась в Лотарингию, с тем чтобы выйти в тыл линии Мажино.

14 июня линия Мажино была прорвана южнее Саарбрюккена частями 1-й армии, входящей в состав группы армий «Ц». Сопротивление французов прекратилось по всему фронту, и темп наступления германских частей ограничивался только расстоянием, которое танковые дивизии могли преодолеть в течение дня, – пехотные формирования остались далеко позади, устало пыля по проселочным дорогам. 16 июня танки Клейста грохотали уже на улицах Дижона, а 17 июня передовые части Гудериана подошли к швейцарской границе у Понтарлье и завершили окружение французских армий в Эльзасе и Лотарингии. 18 июня Гитлер и Муссолини встретились в Мюнхене для обсуждения французской просьбы о перемирии.

Заключительный этап кампании, когда германские танки вошли в Шербур, Брест и Лион, чрезвычайно напоминает ситуацию после Йены, когда массы французской конницы, преследуя неприятеля, широким потоком разлились по равнинам Северной Германии. Ситуация с нашими танками к концу кампании очень похожа на ту, которую обрисовал маршал Мюрат в своем донесении Наполеону в ноябре 1806 года следующим образом: «Сир, боевые действия окончены, поскольку у нас не осталось противника».

В Лотарингии

Как я уже объяснил, мое личное участие в этой кампании было ограничено сражениями в Лотарингии, где я служил в начальнике оперативного отдела штаба 197-й пехотной дивизии. Дивизия эта входила в 1-ю армию, которая 14 июня атаковала знаменитую линию Мажино, южнее Саарбрюккена. Мне представилась прекрасная возможность непосредственно наблюдать ход битвы, хотя из нашей дивизии в штурме принимали участие только артиллерия и саперный батальон.

Линия Мажино всеми в мире признавалась неприступной, считалось, что ее укрепления способны выдержать любую атаку. Возможно, читателю будет интересно узнать, что в действительности оборонительные сооружения Мажино были прорваны за несколько часов обычной атакой пехоты, без какой-либо поддержки танков вообще. Германская пехота при-

²⁷ О т к р ы т ы й г о р о д – в международном праве город, который объявлен одним из воюющих государств незащищенным и поэтому не может быть театром военных действий. (*Примеч. пер.*)

близилась к ним под прикрытием артиллерии и авиации, причем артиллерия применила много дымовых снарядов. Очень скоро обнаружилось, что многие из французских укреплений не способны противостоять снарядам и бомбам и, более того, большое число сооружений не оборудовано для круговой обороны и их довольно просто атаковать с помощью гранат и огнеметов. Линии Мажино не хватало глубины, и, если рассматривать ее в целом, она оказалась слабее многих оборонительных систем, созданных позднее, уже в годы войны. В современной войне вообще не приходится рассчитывать на позиционную оборону, что же касается линии Мажино, то ее укрепления имели всего лишь местное значение.

После прорыва 197-я пехотная дивизия форсированным маршем преследовала отступающего противника – войска с воодушевлением делали за сутки 35-мильные переходы, потому что каждый желал «быть там». Достигнув Шато-Сален, мы получили приказ развернуться и продвигаться к Вогезам, держа направление на Донон, самую высокую точку этого хребта в северной его части. Во второй половине дня 22 июня мы миновали переднюю линию французской дивизии, которая понесла тяжелые потери в предыдущих боях, и стали пробиваться сквозь поросшие густым плотным лесом холмы. Противник блокировал дороги завалами из деревьев, а его артиллерия, снайперы и пулеметчики били по нас под превосходным прикрытием густых зарослей. Наше движение сильно замедлилось, но мы все же пробili себе дорогу к Донону и к вечеру оказались всего лишь в одной миле от назначенного места.

Вечером 22 июня мне позвонил по телефону полковник Шпейдель²⁸, начальник штаба корпуса, и сообщил, что французские 3, 5 и 8-я армии в Эльзас-Лотарингии безоговорочно капитулировали. Он приказал направить парламентариев к противнику для прекращения огня. Поздним вечером 23-го числа был установлен контакт с командованием французских войск, противостоящих нам, и утром следующего дня я вместе с командиром дивизии генералом Мейер-Рабингеном уже ехал в штаб французского XLIII корпуса. Миновав наши передовые позиции, мы, проехав еще около полумили, оказались у передовых постов французов – те уже разобрали дорожные завалы. Солдаты были выстроены в строй и салютовали нам совсем как в мирное время. Военные полицейские в коротких кожаных куртках дали нам разрешение следовать дальше, и мы двинулись в сопровождении французской охраны. Вскоре мы прибыли на виллу «Ше ну», где располагался командный пункт генерала Лесканна. Командующему корпусом было лет шестьдесят; он встретил нас, окруженный офицерами своего штаба. Старик едва сдерживал себя, но внешне был вежлив – условия капитуляции были вполне корректно обсуждены, как подобает офицерам и джентльменам. Лесканну и его офицерам были оказаны все подобающие воинские почести.

24 июня ставка фюрера сообщила, что противник, окруженный в районе Вогезов, капитулировал под Дононом. В сводке сообщалось о пленении 22 тысяч солдат и офицеров, в том числе командира корпуса, трех командиров дивизий, а также захвате 12 артиллерийских дивизионов и большого количества боеприпасов и военного имущества.

Заключение

Каковы же были причины столь быстрого разгрома Франции? Большинство из них я уже упоминал, описывая ход операций, но, может быть, стоит еще раз коснуться самых значительных из них. И хотя большое значение, без сомнения, имели политические и моральные факторы, я ограничусь разбором только военных причин поражения.

Нет никакого сомнения в том, что немецкие танковые войска, искусно поддерживаемые авиацией, решили исход кампании. Это мнение ничуть не умаляет вклад наших пехот-

²⁸ В будущем – генерал-лейтенант, в 1944 г. начальник штаба Роммеля в Нормандии.

ных дивизий, высокие боевые качества которых полностью проявились в ходе ужасной войны в России. Но во Франции у них было не так уж много возможностей продемонстрировать свою доблесть.

Вся кампания в целом была построена на действиях больших масс бронетанковых войск и представляла собой в значительной степени столкновение принципов применения танков двух соперничающих школ. Военные руководители союзников оперировали нормами Первой мировой войны и распылили свои танковые силы равномерно по всему фронту, хотя их лучшие дивизии и приняли участие во вступлении в Бельгию. Командование наших танковых войск считало, что танки следует применять сосредоточенно, массированно, в результате чего два бронетанковых корпуса и один моторизованный корпус были сосредоточены на направлении главного удара под Седаном. Наша теория танковой войны отнюдь не была тайной для союзников. Еще в 1938 года Макс Вернер указывал, что «немецкая военная теория видит только один путь применения танков – их концентрированные действия крупными массами»²⁹. Французские и английские генералы не только отказывались принять эту теорию, но не потрудились даже сделать из нее выводы.

Даже после нашего прорыва на Маасе французские генералы, похоже, оказались не в состоянии сконцентрировать свои бронетанковые силы, да и на полях сражений тактика французов оказалась слишком шаблонной и негибкой. Наши танковые корпуса и дивизии обладали преимуществами не только в отличной боевой подготовке и хороших средствах связи, но и в том, что командиры различных уровней понимали – управлять танковыми подразделениями нужно, находясь в боевых порядках. Это давало им преимущество немедленного реагирования на быстро меняющуюся обстановку и позволяло реализовать возможности, которые открывались в ходе танковых сражений.

Однако хотя мы и придавали столь большое значение танковым войскам, но в то же время создавали – танки не могут действовать без тесной поддержки моторизованной пехоты и артиллерии. Наши танковые дивизии должны представлять собой сбалансированное соединение всех родов войск – это был урок, который англичане так и не усвоили вплоть до 1942 года.

Умелое применение фактора внезапности также было весьма важной составляющей нашего успеха. Для того чтобы реализовать его, фон Клейст рискнул форсировать Маас 13 мая, не дожидаясь прибытия своей артиллерии; успешное взаимодействие авиации и танками осуществлялось и позднее, во время преследования противника в Центральной и Южной Франции. Неоднократно быстрые маневры и гибкое управление нашими танками приводили врага в замешательство. Успешное использование наших парашютно– десантных войск в Голландии также ярко иллюстрирует парализующий эффект внезапного удара.

Германское Верховное командование великолепно проявило себя во время кампании, и стратегическое руководство танковыми войсками в целом было смелым и уверенным. В его действиях я могу отметить лишь две серьезные ошибки – приказ танкам выждать время после создания плацдарма в районе Седана и в особенности трагическое решение остановить танковые дивизии, когда перед ними лежал беззащитный Дюнкерк.

Суммирую. Битва за Францию была выиграна германским вермахтом благодаря возрождению принципа мобильности, достигнутого сочетанием огневой мощи, концентрации войск и внезапности, а также искусным использованием самых современных средств – военной авиации, воздушно– десантных частей и танков. Серия военных неудач в последующие годы не может заслонить того факта, что в 1940 году германский Генеральный штаб провел кампанию, достойную занять место в ряду величайших кампаний в истории войн. И не наша вина в том, что плоды этого военного триумфа были растрочены совершенно впустую.

²⁹ Werner M. The Military Strength of the Powers (London, Gollanz, 1939).

3

Балканская кампания

Краткое затишье

Лето 1940 года было для германской армии, пожалуй, самым счастливым периодом войны. Мы одержали серию побед, невиданных со времен Наполеона; унижение от поражения в Первой мировой войне было отомщено, и мы могли смотреть в будущее с надеждой на заключение прочного и почетного мира. Наши оккупационные войска во Франции и Голландии перешли к рутине мирной гарнизонной службы. Для офицеров организовывались выезды на охоту и конные прогулки, начали даже ходить слухи о том, что нашим семьям будет позволено приехать к нам.

Верховное командование готовилось расформировать значительное число дивизий, было приостановлено выполнение важных оборонных контрактов. Но наши мечты были грубо развеяны, когда Великобритания отвергла предложение Гитлера, а Черчилль заявил о неколебимой решимости своей страны продолжать войну. В спешке была буквально сымпровизирована операция «Морской лев»³⁰, и перед люфтваффе была поставлена задача завоевать превосходство в воздухе над Ла-Маншем и Ирландским морем. Наша авиация великолепно выполнила свою задачу во время блицкрига во Франции, но она создавалась в основном с расчетом на поддержку наземных операций. Вскоре стало ясно, что авиация не настолько сильна, чтобы неделями вести бои с британским воздушным флотом, оснащенным великолепным радиолокационным оборудованием, и наши потери в битве за Англию похоронили все надежды на форсирование Ла-Манша.

В это лето мне представилась прекрасная возможность изучить условия жизни во Франции и Голландии. После завершения кампании моя дивизия была переведена в район нидерландского города Бреда, где корректное, хотя и осторожное поведение германских войск произвело великолепное впечатление на голландцев. Я поселился в доме бывшего голландского офицера колониальной службы, и теперь, оглядываясь в прошлое, с благодарностью вспоминаю эти тихие недели, проведенные мной в его гостеприимной и культурной семье. Стоит лишь сожалеть о том, что офицеры гестапо и партийные функционеры вскоре возвели барьер между оккупационными войсками и гражданским населением; их жестокость и безжалостное поведение восстановили против нас многих потенциальных друзей. К сожалению, у этих функционеров напрочь отсутствовали культура и образование – основа успешной работы в чужой стране.

После нескольких недель службы в Голландии меня перевели в штаб 1-й армии в Лотарингии на должность начальника разведотдела армии. Мы расположились в древнем готическом замке в Нанси, и я был очень рад снова служить под началом моего старого командира корпуса «берлинских дней» – фельдмаршала фон Витцлебена, ныне командующего 1-й армией.

Мои обязанности требовали встреч и контактов со многими французами, занимавшими видное положение в политике или коммерции. Я встретил в них искреннее желание сотрудничать на основе объединенной Европы, построенной на принципе абсолютного равенства. Этому сотрудничеству в немалой степени способствовало лояльное отношение германских оккупационных войск. Но Гитлер никак не мог переориентировать свое мыш-

³⁰ «М о р с к о й л е в» – план вторжения в Великобританию. Некоторые современные историки считают, что этот план был дезинформацией, очередным ходом Гитлера в геополитической игре со Сталиным. (Примеч. пер.)

ление на проведение политики смягчения отношения к Франции. Так, например, нам запрещалось давать разрешение французским беженцам из районов к северу от Соммы вернуться домой, а вся Северная Франция и Бельгия были переданы под единое военное управление. Мы усматривали в этой мере проявление идеи создания «великой Фландрии».

Осенью 1940 года штаб 1-й армии разрабатывал планы быстрой оккупации остальной части Франции. Кроме постоянных трений с режимом Петена, планы эти были вызваны предполагавшимся наступлением через Испанию с целью завладения Гибралтаром. Но Франко не считал положение Англии безнадежным и с большим дипломатическим искусством держал Гитлера на расстоянии.

В ноябре 1940 года я провел несколько дней в Риме в качестве гостя Генуэзского полка, старинного и известного кавалерийского подразделения. Там я полностью погрузился в мирную атмосферу. Итальянские кавалерийские офицеры оказались чрезвычайно гостеприимными хозяевами и пригласили меня с собой в известную школу верховой езды в Торди-Квинто. Там они спросили меня, не пожелаю ли я взять несколько конных препятствий, и, когда я согласился, подвели мне великолепного чистопородного рысака. Мне показалось, однако, что они следили за моими приготовлениями с известной долей скептицизма. Собственно, их не следует упрекать в этом – вряд ли можно было ожидать приличной джигитовки от немецкого штабного офицера. Я, разумеется, ни словом не обмолвился о своем кавалерийском опыте и тех 150 скачках, в которых участвовал, но едва мог сдержать внутреннее торжество, когда, к удивлению хозяев, успешно преодолел все препятствия.

Во время пребывания в Италии мне представилась возможность обсудить ситуацию с генералом фон Ринтеленом, нашим военным атташе в Риме, с которым мне впоследствии довелось несколько раз встречаться, когда я служил в штабе Роммеля. Картина, нарисованная им, выглядела удручающе. Наступление маршала Грациани в Северной Африке захлебнулось, и вообще во всей этой кампании просматривался недостаток решительности и определенности. Нападение Муссолини на Грецию в октябре 1940 года было осуществлено силами, которые совершенно не соответствовали поставленной перед ними задаче. Уже через неделю после начала военных действий греки перехватили инициативу, и итальянские войска в Албании очень скоро оказались в весьма критическом положении.

Обстановка в Греции складывалась весьма неблагоприятно для Германии. Британские войска получили право высадиться в Греции, и жизненно важные румынские нефтяные месторождения Плоешти, столь необходимые для вермахта, были теперь в пределах досягаемости бомбардировщиков британского воздушного флота. До сих пор мы проводили политику удержания Балкан вне этой войны, но в начале декабря Верховное командование было вынуждено приступить к подготовке операции в Греции.

В январе 1941 года я вернулся в штаб 1-й армии в Нанси. Начальник нашего штаба полковник Рёрихт проинформировал меня, что переговоры между Гитлером и Молотовым, состоявшиеся в ноябре в Берлине, закончились безрезультатно. Вместо вступления в трехсторонний пакт, как надеялся Гитлер, Молотов, по его словам, прибег к тактике шантажа и предъявил совершенно неприемлемые требования относительно Румынии, Болгарии и Турции. В ответ на эти требования Гитлер отдал приказ вермахту начать разработку операции «Барбаросса» – вторжения в Россию. Датой вторжения в конце концов было определено 22 июня 1941 года – довольно поздняя дата, но перед этим было необходимо сначала вывести из игры Грецию и перебросить танковые дивизии с Балкан в Россию.

Германское Верховное командование планировало захватить Грецию в начале апреля, и в январе 1941 года немецкие войска стали концентрироваться в Румынии. Румыния, как и Венгрия, присоединилась к трехстороннему пакту несколькими месяцами ранее, а Болгария стала его участницей 1 марта. Германские войска сразу же после этого вошли в Болгарию, что поставило Югославию в незавидное стратегическое положение. Поэтому правительство

принца Павла решило 20 марта присоединиться к этому же пакту, но государственный переворот 27 марта под руководством генерала Рушана Симовича привел к кардинальному изменению политики страны. В этой ситуации Гитлер приказал осуществить вторжение в Югославию одновременно с нападением на Грецию.

Вторжение в Югославию

В конце марта 1942 года я был назначен начальником разведки 2-й армии, в то время дислоцированной в Южной Австрии, между Клагенфуртом и Грацем. Проехав без остановок всю Баварию, я прибыл в Грац и представился командующему армией генералу фон Вейхсу и начальнику штаба генералу фон Витцлебену. Они немедленно ввели меня в обстановку.

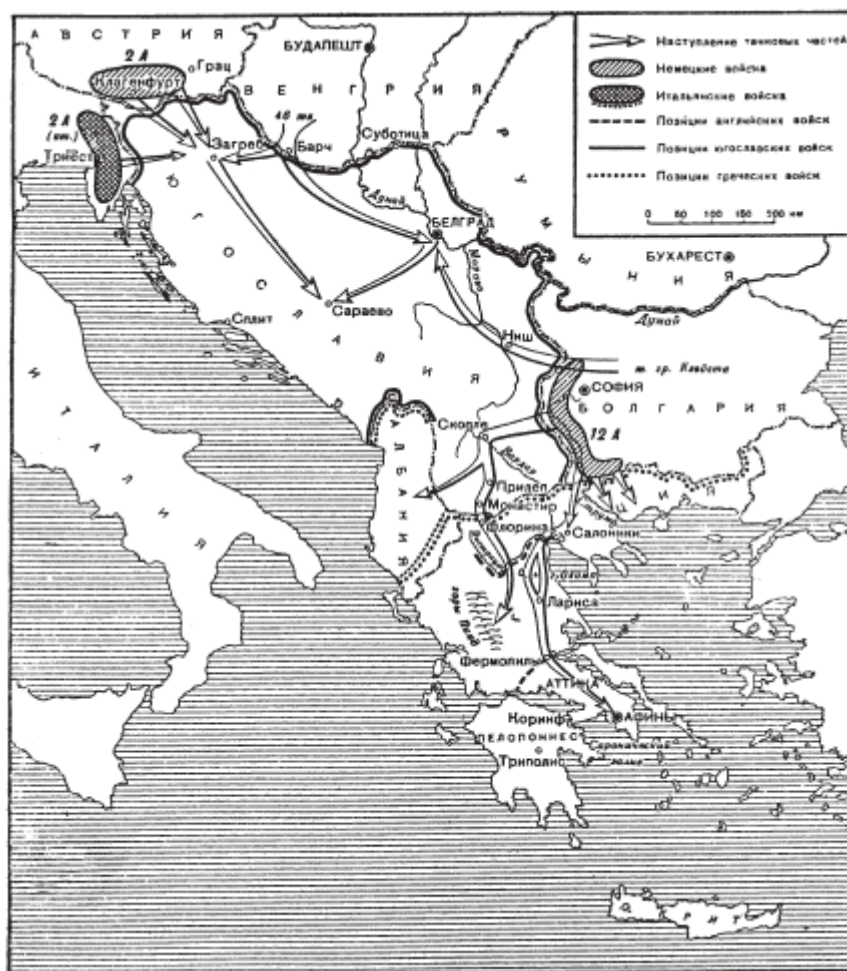
Югославская армия состояла из трех армейских групп.

1-я группа, базировавшаяся в Загребе, располагалась напротив по ту сторону границы страны; 2-я армейская группа прикрывала границу с Венгрией, а 3-я группа, в которой была сосредоточена основная масса войск, расположилась вдоль границ Румынии, Болгарии и Албании. Стратегическое положение югославов было крайне неблагоприятным, и, когда начались боевые действия, они смогли мобилизовать лишь две трети своих 28 пехотных и 3 кавалерийских дивизий. Им недоставало современного вооружения, совсем не было танков, а их авиация располагала только тремя сотнями машин.

Военная слабость Югославии усугублялась политическими, национальными и религиозными разногласиями. Помимо основных национальных групп, сербов и хорватов, в стране проживали словенцы, немцы и итальянцы, причем все они имели свои особые национальные устремления. Одни только сербы по-настоящему были враждебны нам, поэтому наша пропаганда стала обещать освобождение всем остальным национальным группам, в частности хорватам. При штабе армии мы создали отдел пропаганды, работавший под моим руководством, в который входили люди, знающие местные языки. Мы выяснили, что противостоящие нам армейские подразделения состояли в основном из хорватов, причем лишь треть личного состава этих подразделений подчинилась в свое время требованию мобилизационного предписания. Пропагандисты работали в полную силу, готовя листовки и передачи для агитационных громкоговорителей, чтобы склонить противника сдаться в плен.

Германский план вторжения состоял в следующем:

2-я армия должна была наступать на Загреб, а затем через горную часть страны на Сараево; одновременно ударная танковая группа должна была нанести удар по Белграду через Венгрию. Главный удар предполагалось осуществить из Болгарии, где находились наша 12-я армия и танковая группа Клейста. Клейст должен был наступать через Ниш и атаковать Белград с юга, а 12-я армия одновременно с ним начать продвижение в Северную Грецию и Южную Сербию. Поскольку развертывание 2-й армии еще не было закончено, 12-я армия начала боевые действия 6 апреля. Наше наступление с севера началось 8-го.

Карта 4. Балканская кампания 1940 года

12-я армия продвигалась вперед быстрыми темпами и 10 апреля уже вступила в Скопле. Одна танковая дивизия повернула на юго-запад и вскоре встретила итальянцев в Албании, в то время как левый фланг 12-й армии вторгся в Грецию. Тем временем танки Клейста прорвали югославские позиции в первый же день наступления. Клейст вошел в Ниш 9 апреля, не обращая внимания на югославские войска на своем левом фланге – они пребывали в состоянии полнейшей дезорганизации. Его танки совершили отважный бросок вдоль Моравской долины на Белград. К 11 апреля танковая группа Клейста находилась всего лишь в 60 милях (100 км) от югославской столицы.

46-й танковый корпус 2-й армии наступал на Белград с северо-запада и, преодолевая незначительное сопротивление противника, быстро продвигался вперед. Этому корпусу противостояли в основном хорватские части, которые были столь успешно обработаны нашей пропагандой, что отдельные подразделения восставали и приветствовали нас как «освободителей». Главные силы 46-го танкового корпуса вошли в Белград 12 апреля, тогда как другая танковая дивизия этого корпуса заняла Загреб, радостно встреченная населением. Одновременно с этим пехотные дивизии 2-й армии наступали широким фронтом с севера, почти не встречая сопротивления югославов.

46-й танковый корпус пошел на Сараево и подавил последний очаг организованного сопротивления противника 13 апреля. 11 апреля штаб нашей армии переместился в Загреб, где местное население продемонстрировало хорошее отношение к Германии, что, вне всякого сомнения, можно объяснить плодотворной деятельностью австрийской импер-

ской администрации до 1914 года. К сожалению, наши политические руководители предпочли передать этот регион Италии, пойдя навстречу амбициям Муссолини. Итальянцы же приступили к созданию полностью зависимого от себя хорватского государства, чем вскоре настроили против себя наших лучших друзей.

14 апреля штаб 2-й армии был переведен в Белград. Положение югославов стало столь отчаянным, что генерал Симович подал в отставку, а новое югославское правительство обратилось к нам с просьбой о перемирии. 2-й армии было приказано выработать его условия, и эти задачи возложили на мои плечи. Никаких подходящих документов раздобыть было неоткуда и некогда, но симпровизированный мною проект был, тем не менее, одобрен начальником штаба.

Перемирие было подписано 17 апреля, мы сделали все от нас зависящее, чтобы впечатляюще провести эту церемонию в красивейшем дворце принца Павла. Все генералы югославской армии были собраны в большом зале; после того как они заняли свои места, вошел генерал фон Вейхс и при свете множества свечей зачитал условия перемирия. Как только документ был подписан, горнисты оркестра полка «Великая Германия» на площадке стен дворца протрубили торжественную зорю.

Если завоевание Югославии было для германской армии по сути военным парадом, то в Греции имели место ожесточенные сражения, давшие нам ценный военный опыт.

Греческая кампания

Когда наши войска 6 апреля 1941 года пересекли границу Греции, диспозиция сил противника выглядела следующим образом: 14 греческих дивизий противостояли итальянцам в Албании, тогда как только семь с половиной греческих дивизий прикрывали границы с Югославией и Болгарией. Из числа последних три с половиной дивизии удерживали так называемую линию Метаксаса³¹ между долиной реки Стримона и турецкой границей, две дивизии занимали позиции между реками Стримон и Вардаром, а две дивизии располагались западнее Вардара, пытаясь прикрыть сосредоточение британских войск вдоль реки Алиакмон. Войска эти состояли из 2-й новозеландской дивизии, 6-й австралийской дивизии и английской танковой бригады, все под командованием генерала Мейтланда Уилсона.

Из всех британских инициатив во время войны греческая кампания мне представляется наименее оправданной. Греки хорошо воевали в Албании, но они понесли тяжелые потери в ходе зимней кампании и, разумеется, были не в состоянии противостоять полномасштабному наступлению вермахта. Британские войска, направленные им на помощь, чем был лишен возможности захватить Триполи Уэйвелл³², были всего лишь каплей в море по стандартам континентальной войны. Неужели английские военные лидеры могли всерьез надеяться, что четыре дивизии³³ стран Содружества смогут оказать сколько-нибудь длительное сопротивление практически неограниченным ресурсам вермахта. В этом отношении я полностью разделяю критику генерал-майора Гингана, высказанную им в книге «Operation Victory»³⁴.

³¹ Л и н и я М е т а к с а с а – ряд укреплений вдоль границы с Болгарией, построенных в годы правления (практически диктаторского) премьер-министра Греции Иоанниса Метаксаса.

³² У э й в е л л Арчибальд Персиваль (1883–1950) – британский фельдмаршал (1943). С 1939 г. командовал британскими вооруженными силами на Ближнем Востоке, в 1944-м – войсками в Индии. В 1942 г. – главнокомандующий союзными силами в Юго-Восточной Азии, Индии и Бирме. В 1943–1947 гг. вице-король Индии. (*Примеч. пер.*)

³³ Предполагалась также отправка в Грецию 7-й австралийской дивизии и польской бригады, но они были оставлены в местах их дислокации из-за наступления Роммеля на Киренаику.

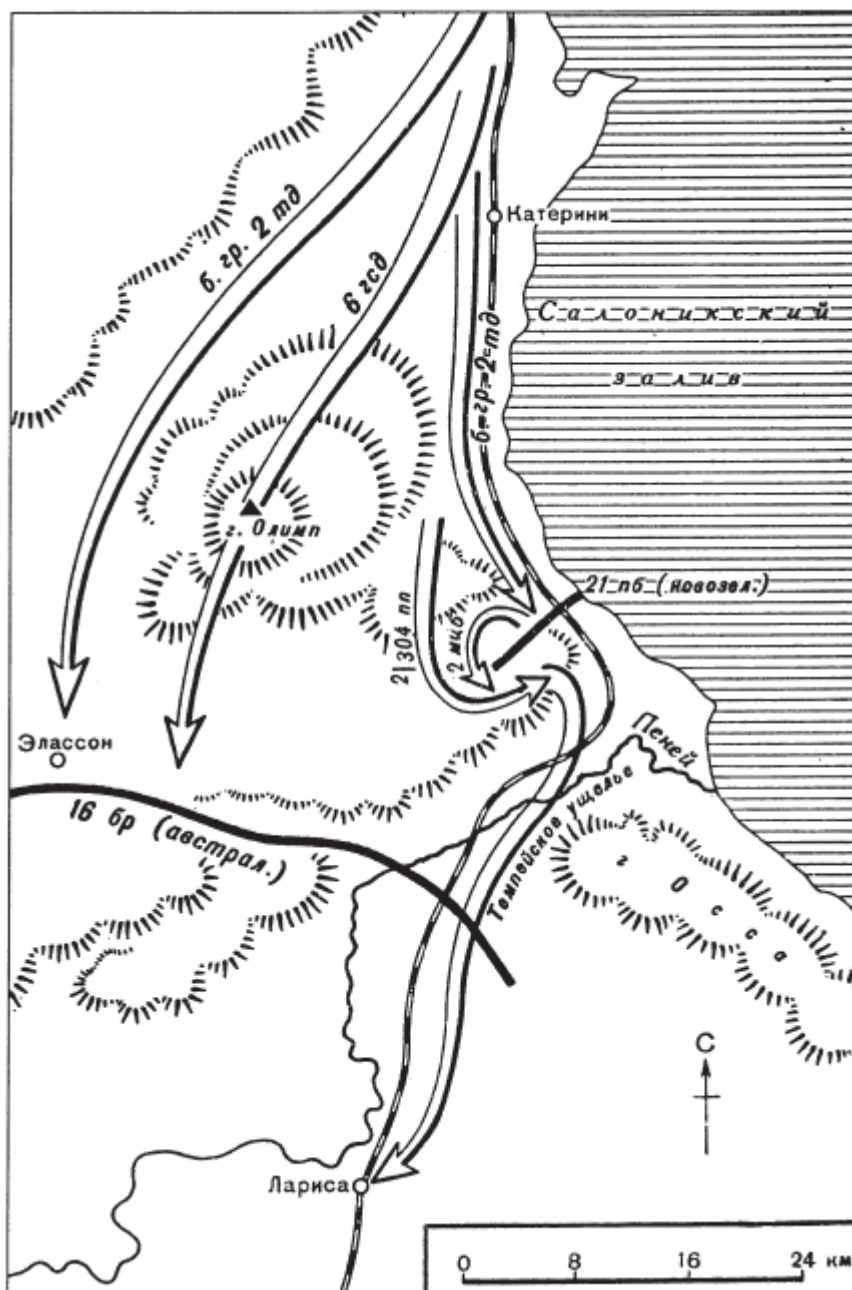
³⁴ См.: Guingand F de. Operation Victory. London: Hodder and Stoughton, 1947.

Фактически положение англичан стало безнадежным еще до того, как войска начали боевые действия. 6 апреля 10 дивизий нашей 12-й армии, включая две танковые дивизии, перешли границу. 7 апреля линия Метаксаса была прорвана в нескольких местах, и 9 апреля 2-я танковая дивизия заняла Салоники, отрезав все греческие войска, расположенные к востоку от реки Струмы. 10 апреля правый фланг 12-й армии приблизился к границе Сербии и перешел ее южнее Монастира. Греческое сопротивление на этом участке фронта было вскоре подавлено, и наш авангард продолжил наступление через Флорину к горам Пинд, угрожая обойти с тыла греческие дивизии на албанском фронте. 13 апреля греки начали отходить из Албании, но это было сделано слишком поздно, и наши танки вскоре им отрезали все пути отступления. Тем временем англичане подготавливали оборону на подступах к горе Олимп.

К 16 апреля стало совершенно ясно, что ничто не сможет спасти греческую армию от разгрома, и британское командование отдало приказ об отходе на линию Фермопил. Греческое правительство старалось избавить страну от излишних потерь, поэтому было договорено, что англичане займут плацдарм у Фермопил и постараются вывезти свои войска морем. Арьергардные бои, которые за этим последовали, представляют значительный интерес для изучающих тактику танковых сражений в горных условиях, и я хочу рассмотреть их более подробно (см. карту 5).

После занятия Салоник генерал Бёме, командир XVIII корпуса, получил приказ, обходя с двух сторон гору Олимп, захватить город Ларису, отрезав тем самым путь отступления английским и греческим силам, находящимся в Центральной Македонии. Генерал Бёме решил наступать силами 2-й танковой и 6-й горно-стрелковой дивизий и разработал следующий план.

На левом фланге боевая группа из состава 2-й танковой дивизии наступает к северу от Олимпа по направлению на Элассон, где находились позиции австралийских войск.

Карта 5. Бой у горы Олимп

Другая боевая группа из состава той же дивизии движется на левом фланге вдоль линии железной дороги, между горой и морем, и пытается прорваться Темпейским ущельем к Ларисе. В центре 6-я горно-стрелковая дивизия наступает прямо через гору Олимп и, спустившись, выходит в тыл силам противника в Темпейском ущелье. Таков был план. Описание реальных военных действий составлено на основе донесения генерала Балька, в то время командовавшего 3-м танковым полком 2-й танковой дивизии.

15 апреля Бальк принял командование левофланговой боевой группой 2-й танковой дивизии. Группа повела наступление через селение Катерини и была вынуждена остановиться перед горным хребтом, протянувшимся между Олимпом и морем. Силы противника, поддержанные артиллерией, удерживали этот хребет, и наш 2-й мотоциклетный батальон залег в густом кустарнике перед позициями англичан. Противник хорошо замаскировался, и

наша артиллерия поддержки не могла обнаружить цели³⁵. Стали подтягиваться германские подкрепления – 1-й батальон 3-го танкового полка, 2-й батальон 304-го пехотного полка и саперная рота. Сильно пересеченная местность, поросшая густым кустарником, была мало-пригодна для действий бронетехники; танки были привязаны к дорогам, причем разведка обнаружила, что дороги заминированы.

Лично проведя рекогносцировку местности, Бальк пришел к выводу, что единственной надеждой на успех остается широкий обходной маневр пехоты. Рельеф местности – склоны горы Олимп – был чрезвычайно сложным даже для пеших солдат, но по этой же причине позиции вряд ли хорошо охранялись неприятелем. В соответствии с этим танкам было приказано осуществить отвлекающее движение, и под прикрытием их огня 2-й мотоциклетный батальон был развернут в линию и начал широкий фланговый маневр. За ним следовал 2-й батальон 304-го стрелкового полка, который взял еще правее и совершил ночной марш-бросок невероятной трудности по незнакомой местности, покрытой кустарником и крупными валунами и пересеченной глубокими оврагами. Для прикрытия наших орудий и танков в темное время суток была оставлена только саперная рота.

Утром 16 апреля стало ясно, что тщательная подготовка и прекрасное физическое состояние наших солдат дали свои результаты. У противника были замечены перемещения, весьма похожие на отступление, и Бальк тут же отдал приказ танкистам двинуться вперед, невзирая на местность, и атаковать неприятеля. В то время, когда мотоциклисты атаковали левый фланг новозеландцев, наши пехотинцы зашли к ним в тыл, застигнув врасплох. Неприятель стал отступать на юг, бросая тяжелую технику, транспорт и снаряжение.

О преследовании не могло быть и речи, поскольку пехотинцы были измучены ночным марш-броском, да и в тот момент танки и транспортные средства не могли двинуться по отвратительной, разбитой телегами дороге. Несколько человек, у которых еще остались силы, были посланы на разведку к восточному входу в ущелье, тогда как саперы начали взрывать большую скалу, чтобы расчистить путь для танков.

К полудню 17 апреля две танковые группы подошли к входу в узкое извилистое Темпейское ущелье с высокими вертикальными каменными стенами, по дну которого стремительно неслась река Пеней. По северному берегу реки проходила линия железной дороги Салоники – Афины, а по южному – автодорога, для нас пока недоступная, поскольку мостов через реку не было, а оборудование для наведения переправ безнадежно отстало от нас.

Танковая рота стала осторожно продвигаться вдоль линии железной дороги; пехотинцы были предупреждены, что ни при каких обстоятельствах они не должны скапливаться в узком проходе, где даже несколько снарядов английских пушек могли нанести им огромный ущерб. Поначалу движение по железнодорожной насыпи проходило гладко; первый туннель оказался в порядке, но второй был взорван как раз посередине, и танки не могли идти дальше. Высланная разведгруппа нашла место, где посреди реки Пеней оказался остров и где танкам было можно попробовать переправиться вброд.

Бальк решил рискнуть и отправил один танк на пробное форсирование. Оно оказалось удачным. Еще два танка успешно переправились через реку. Это было опасным и сложным делом. Каждому танку, чтобы пересечь реку, требовалось от получаса до часа; у некоторых машин в двигатели попала вода, и они заглохли. Тем не менее три первых танка выбрались на дорогу и двинулись на позиции, занимаемые австралийцами. У тех не было противотанковых орудий, и им пришлось отойти. Несколько групп из состава стрелкового полка были

³⁵ Позиция удерживалась 21-м батальоном 2-й новозеландской дивизии, поддержанным артиллерией и саперами. Как мы выяснили впоследствии, у противника не было противотанковых средств, так как местность считалась танконедоступной.

высланы вперед для ремонта дороги, и, хотя противник вел сильный обстрел ущелья, потери мы понесли немного.

Переправа через Пеней продолжалась день и всю ночь, и во второй половине дня 18 апреля Бальк сосредоточил танковый и стрелковый батальоны у западного входа в ущелье. Здесь уже не могло пройти никакое колесное транспортное средство, но через реку переправились четыре 100-мм пушки на тракторной тяге. Для человека с темпераментом Балька этого было вполне достаточно, и он бросил эти силы на австралийцев, оборонявших западный вход в Темпейское ущелье.

16-я австралийская бригада удерживала подступы к Ларисе; на них давили 6-я горно-стрелковая дивизия, наступавшая через горный массив Олимпа, и правофланговая боевая группа 2-й танковой дивизии от Элассона. Наступление Балька на считавшуюся недоступной для танков местность решило исхода дела. Его танки вскоре вырвались на равнину и стали быстро продвигаться к Ларисе, пока наступление темноты не заставило их остановиться. Ночью австралийцы отошли со своих позиций, и утром 19 апреля боевая группа Балька вошла в город.

Донесение английской разведывательной службы, которое попало в наши руки, комментирует произошедшее следующим образом: «Немецкий 3-й танковый полк способен преодолеть даже местность, считающуюся абсолютно танко-недоступной»³⁶. Кроме того, успех Балька должно объяснить той смелостью, с которой он снял свою пехоту с транспортных средств и послал ее в обход, что можно было доверить только хорошо подготовленным горным войскам. Бальк в своем донесении особо отмечает, что его танки и тягачи оказались единственными транспортными средствами, способными передвигаться по такой в высшей степени трудной местности, и приходит к выводу, что в танковой дивизии не должно быть колесных транспортных средств и даже в тыловых службах должны использоваться только гусеничные и полугусеничные машины³⁷. Он отмечал, что было совершенно невозможно эвакуировать раненых или обеспечивать горючим передовые части до тех пор, пока не была занята Лариса. Правда, несколько бочек с горючим удалось переправить через Пеней на лодках, а потом перевезти их на волах и ослах. По счастью, как только был занят аэродром Ларисы, Верховное командование направило на него несколько самолетов-топливозаправщиков, что дало возможность продолжить наступление.

Теперь греческая кампания быстро двигалась к своему завершению. 16 апреля наши танковые войска, наступавшие из Македонии, подошли к проходам перед горным хребтом Пинд и отрезали пути отхода греческим дивизиям, ходившим из Албании. Дальнейшее сопротивление стало бессмысленным, и 23 апреля в Салониках греками была подписана капитуляция.

Однако нам не удалось захватить в плен британские экспедиционные войска. Местность в районе их расположения была в высшей степени непригодна для передвижения танков, а английские арьергарды в районе Олимпа и позднее на позициях в Фермопилах действовали весьма умело. Захват Коринфского перешейка немецкими парашютистами был большим достижением, он не смог помешать эвакуации около 43 тысяч солдат из Аттики и Пелопоннеса. Англичане потеряли до 12 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными, значительными были и потери их судов, но им все же удалось эвакуировать основную массу своих войск, несмотря на интенсивные атаки нашей авиации. Суда королевского военно-морского флота, базирующиеся в Александрии, самоотверженно бросились им на помощь,

³⁶ The Other Side of the Hill. Wellington, 1952. P. 8. Эта новозеландская брошюра так говорит об операциях Балька в районе Олимпа: «Редко когда в ходе войны танки преодолевали столь трудную местность, как и пехота, которая, уже пройдя более 500 км, продвигалась вперед так быстро в столь неблагоприятных условиях; это достижение, которым может гордиться любой солдат».

³⁷ Увы, то, что этот горький урок наглядно остался неусвоенным, было продемонстрировано в России.

и погрузка и эвакуация войск, осуществленные при подавляющем превосходстве немецкой авиации, представляют собой замечательное достижение.

Новое назначение

В это время я оставался в Белграде вместе со штабом генерала фон Вейхса, который был назначен главой военной администрации в Югославии. После переговоров со штабом итальянской 2-й армии по вопросу демаркационной линии между районами, поступающими под германскую и итальянскую юрисдикцию, итальянцам были переданы Хорватия с Загребом и все Далматское побережье. Эта политическая победа была воистину замечательной, принимая во внимание ту весьма скромную роль, которую играли итальянцы в югославской кампании³⁸.

Германская администрация, хотя и не всегда пользовавшаяся популярностью, была, по крайней мере, эффективной. Управление же итальянцев воспринималось балканскими народами как унижение, главным образом потому, что к итальянской армии они относились с изрядным презрением. Это, безусловно, способствовало в дальнейшем росту партизанского движения.

В конце апреля генерал фон Вейхс вместе со своим штабом отправился в весьма приятную инспекционную поездку в личном поезде принца Павла. Через Ниш и Скопле мы доехали до Салоник. Многие здания и культовые сооружения в Белграде являли собой многочисленные свидетельства долгого периода турецкого правления, но только в Скопле мы воистину ощутили, что оказались на Востоке: мы увидели многочисленные мечети, мужчин в фесках и закутанных в чадру женщин. Освежающее купание в Эгейском море и вид горы Олимп заставили нас на какое-то время забыть о войне.

В начале мая мне было приказано возглавить немецкий штаб связи при итальянской 2-й армии в Фиуме. Мы с шофером ехали без какой-либо охраны в путь по местности, которая несколькими месяцами спустя была охвачена огнем партизанской войны. В Фиуме я представился командующему 2-й армией генералу Амброзио, который после отставки Муссолини стал главнокомандующим итальянской армией. Несколько следующих недель я провел с итальянцами на маневрах и смог хорошо их узнать. Меня удивило их устаревшее вооружение и техника и весьма низкий уровень подготовки младших офицеров. Солдаты из различных регионов сильно различались по боевым качествам; так, по сравнению с войсками из Южной Италии альпийские стрелки производили великолепное впечатление. После одного полевого учения генерал Амброзио пригласил меня посетить вместе с ним кладбище героев в Изонцо, на котором были захоронены германские и итальянские солдаты, павшие в Первую мировую войну. Он выразил надежду, что мы никогда больше не будем воевать друг против друга.

Это интересное общение с итальянцами, перемежающееся с экскурсиями по чудесному Далматскому побережью и частыми освежающими купаниями в «Голубой Адриатике», закончилось уже в конце мая, когда мне было приказано немедленно прибыть в Мюнхен. Я получил назначение начальником разведки в штаб танковой группы «Африка», которая формировалась в Баварии. Сев в мощный «мерседес», я помчался через Венецию, Больцано и Инсбрук в Мюнхен. В Венеции, обедая в ресторане гостиницы, я удивил итальянцев, сев за один стол со своим шофером. Хотя обычно офицеры и солдаты едят отдельно, в подобном случае, когда офицер и рядовой находились вне части, ни он, ни я не видели в подобном поступке ничего из ряда вон выходящего. По контрасту с 1918 годом теперь офицеры

³⁸ Их 2-я армия весьма медленно и осторожно наступала из района Триеста на юго-восток.

и солдаты были внутренне духовно объединены, и даже в 1945 году в германской армии отсутствовали какие-либо признаки разложения.

Из Инсбрука я решился на несколько часов заехать в Миттенвальд, куда из Берлина перебрались моя жена и пятеро наших детей, спасаясь от бомбежек.

В Мюнхене я разыскал подполковника Вестфалья, начальника оперативного отдела танковой группы «Африка». В течение нескольких дней штаб был укомплектован, причем все офицеры чувствовали себя несколько непривычно в новенькой тропической форме. 10 июня Вестфаль и я поездом отправились в Рим, где встретились с генерал-майором Гаузе, начальником штаба. Там же генерал фон Ринтелен обрисовал нам ситуацию в Северной Африке, и на следующий день мы вылетели итальянским самолетом на Сицилию, а затем в Триполи.

Во время этого полета мы полностью ощутили, что теперь для нас Средиземное море отнюдь не «Mare Nostrum»³⁹. Несколько раз английские истребители появлялись на горизонте и вынуждали наш самолет идти на бреющем полете почти над самой водой, чтобы не быть обнаруженным.

В Триполи мы переночевали в шикарном отеле, хотя непривычная тропическая жара так и не дала нам уснуть. Но в любом случае шикарные отели оставались теперь лишь в воспоминаниях – их место заняли брезентовые палатки и бронированные автомобили. Западная пустыня приняла нас в свои объятия и очень долго не выпускала из них.

³⁹ «Наше море», название Средиземного моря, распространенное в античные времена (*лат.*). (Примеч. пер.)

Часть вторая Западная пустыня

4 В штабе Роммеля

Роммель

Летом 1938 года я служил в штабе III армейского корпуса в Берлине. Я поступил сюда прямо после военной академии свежееиспеченным капитаном кавалерии, и это было мое первое назначение. Однажды в мой кабинет вошел полковник – коренастый, собранный, пышущий здоровьем и энергией, с крестом «Pour le Merite»⁴⁰ на шее. Это был служебный визит – полковник Эрвин Роммель, только что назначенный руководителем военной подготовки членов гитлерюгенда, зашел обсудить какие-то административные и дисциплинарные вопросы. Так я впервые увидел человека, с которым позже находился в теснейшем контакте в течение 15 тяжелых месяцев африканской войны, которого полюбил и стал почитать как одного из выдающихся военачальников нашего времени, Зейдлица танковых войск, и, может быть, самого талантливого и энергичного полководца в германской военной истории.

Даже в 1938 году Роммель уже пользовался непререкаемым авторитетом в германской армии, его блестящие способности, проявившиеся в годы Первой мировой войны, предвещали его последующие успехи в рядах Верховного командования вооруженных сил. После публикации ценнейшего руководства по тактике пехоты на него обратил внимание Гитлер, и полученное им назначение руководителя военной подготовки членов гитлерюгенда явно было лишь одной из ступеней к высшим командным постам. Позже я узнал, что Роммель отнюдь не был доволен этим назначением и постоянно конфликтовал с руководителем этой организации Бальдуром фон Ширахом. Фон Ширах никогда не служил в армии, и его идея о том, что молодыми людьми должны командовать их же сверстники, привела к тому – как Роммель и предсказывал, – что *Schnoesels*⁴¹ командовали своими *Standarten*⁴², сидя в больших сверкающих «мерседесах», словно они были командирами корпусов. Во всяком случае, Роммель вскоре отказался от этого поручения, причиной чего было поведение Шираха.

В Африку я прибыл в июне 1941 года в качестве офицера штаба танковой группы, который был сформирован в Германии, а затем переброшен в Ливию. До сих пор Роммель был только командиром немецкого Африканского корпуса; однако крупные победы в апреле 1941 года привели к возложению на него более значительной ответственности, а это вызвало необходимость иметь соответствующий штаб. Сначала Роммель и сам не сознавал этого, и я никогда не забуду той сдержанности и холодности, с которыми он встретил нас в Гамбуте. Все мы были офицерами Генерального штаба, и обстановка в Африке была совершенно нам внове. Будучи боевым офицером, Роммель относился к нам с изрядным скепсисом; более того, он сам никогда не служил в Генеральном штабе и был явно обеспокоен тем, что мы можем попытаться контролировать его или даже подменять его. В своих мемуарах Роммель пишет: «Однажды в Африке появился генерал Гаузе с большой группой штабных офицеров.

⁴⁰ Немецкий эквивалент «Креста Виктории» в период Первой мировой войны.

⁴¹ Молодые и глупые ослики (нем.).

⁴² Формирование в гитлерюгенде, примерно равное армейскому полку.

Ему было приказано изучить возможности применения крупных сил в Африке и подготовить наступление на Египет. Хотя генерал Гаузе получил однозначные приказания от Верховного командования вермахта не поступать в мое подчинение, он, тем не менее, сделал это после того, как я сообщил ему, что всем немецким вооруженным силам в Африке приказы отдаю только я»⁴³.

На самом же деле никто из нас никогда не ставил под сомнение право Роммеля отдавать приказы; мы прибыли в Африку, чтобы служить ему, и он вскоре понял, что не смог бы командовать такой большой армией без нашей помощи.

Военная ситуация в Африке была следующей. После разгрома армии Грациани вследствие наступления Уэйвелла германское Верховное командование было вынуждено вмешаться в ситуацию на этом континенте. Поэтому в феврале и марте 1941 года 5-я легкая дивизия (впоследствии – 21-я танковая дивизия) была отправлена в Ливию. За ней должна была последовать 15-я танковая дивизия, но Роммель не стал дожидаться ее прибытия и, несмотря на возражения итальянцев, начал наступление в конце марта. Вырвавшись из полуокружения у Мерса-Брега, Роммель захватил англичан врасплох и разгромил их в Западной Киренаике. 4 апреля немецкие броневые автомобили вступили в Бенгази, а Роммель продолжал наступление имеющимися у него силами. Обычно он передвигался на своем «шторьхе»⁴⁴ – небольшом самолете, который мог приземлиться на площадке размерами с теннисный корт. Ветераны кампании рассказывали, что в ходе этого наступления он пролетел над подразделением, которое остановилось без какой-либо видимой причины, и сбросил им следующую записку: «Если вы тотчас же не двинетесь, я пойду на посадку. *Роммель*».

Роммель снова захватил Киренаику, бросив войска в наступление прямо по пустыне через старый форт Мекили, где он взял в плен нескольких генералов и более 2 тысяч солдат. В ходе этого наступления он обогнул Киренаикский выступ и плоскогорье Джебель-эль-Акдар, используя свойство местности, которое не позволяло определить, с запада или с востока подходит атакующий, поскольку тот всегда мог проследовать кратчайшим путем через пустыню. 10 апреля германские войска взяли Бардию, а египетскую границу перешли в районе Эс-Саллума; противник удержал Тобрук, отражая упорные атаки в апреле и мае. Тем не менее относительно слабые германские силы отбили почти всю Киренаику всего за 12 дней.

Эта блестящая победа придала новый характер войне в Африке, но после неудачной попытки штурма Тобрука 3 мая Роммель был вынужден перейти к обороне. Ближе к концу мая войска Уэйвелла атаковали наши позиции в районе Капуццо и Хальфайи, но были отбиты; в середине июня они предприняли операцию под кодовым названием «Боевой топор». В ходе ее произошли тяжелые танковые сражения в районе Капуццо и Сиди-Омара – Африканский корпус понес большие потери в танках, но благодаря решительным действиям Роммеля нанес поражение 7-й бронетанковой дивизии⁴⁵ и одержал выдающуюся победу. Затем в Западной пустыне последовало долгое затишье, и никаких сколько-нибудь значительных сражений не велось с июня до ноября.

Перед тем как приступить к описанию операции «Крусейдер» («Крестonosец») и крупного сражения при Эль-Газале, а также нашего триумфального марша через Тобрук к Эль-Аламейну – периода, который включает в себя самые драматические эпизоды в истории танковых войн, – я хотел бы поделиться своими впечатлениями о Роммеле и службе в его штабе. Я также скажу несколько слов об общих условиях войны в пустыне.

⁴³ Krieg ohne Hass. Heidenheim, 1950. P. 54.

⁴⁴ Имеется в виду немецкий самолет «Fi-156» «шторьх» (в переводе «аист»), служивший для целеуказания и связи. (Примеч. пер.)

⁴⁵ Самое знаменитое британское бронетанковое подразделение, на эмблеме которого была изображена кенгуровая крыса.

Роммель был не из тех людей, с которыми легко служить; своих подчиненных он не щадил в той же мере, в какой не щадил и самого себя. Чтобы работать с Роммелем, человек должен был иметь железный организм и стальные нервы. Вместе с тем я должен подчеркнуть одно обстоятельство: хотя Роммель мог порой достаточно грубо разговаривать с начальством, но если он был уверен в эффективности и добросовестности своего непосредственного окружения, то его подчиненный офицер не слышал от него ни одного резкого слова⁴⁶.

Роммель имел весьма странное представление о работе штаба. Особенно раздражало его вмешательство в разные мелочи, решение которых было обязанностью его начальника штаба. Роммель считал, что начальник штаба должен сопровождать его во время выездов на фронт – зачастую это означало пребывание буквально на передовой. Такой порядок шел вразрез с основополагающим принципом штабной работы, – в соответствии с которым начальник штаба замещает командующего в отсутствие последнего. Но Роммель предпочитал всегда иметь при себе своего главного советника; если же его убьют или ранят – что ж, его всегда можно заменить⁴⁷.

Даже в самые критические моменты Роммель и его начальник штаба отсутствовали порой по несколько суток. Поэтому особая ответственность ложилась на плечи других штабных офицеров, в особенности на начальника оперативного отдела. Мы с готовностью брали на себя эту ответственность, поскольку знали: Роммель всегда поддержит любые решения, которые мы примем. Так, в разгар операции «Крусейдер» в ноябре 1941 года Вестфаль в качестве начальника оперативного отдела и я как начальник разведки приняли на себя в штабе танковой группы полное руководство сражением с 23 по 28 ноября. Вестфаль считал необходимым отменить один из наиболее важных приказов Роммеля, и по возвращении командующий проявил великодушие, одоблив действия Вестфаля, хотя они прямо противоречили ранее отданному Роммелем приказу⁴⁸.

В период с августа по ноябрь 1941 года мне посчастливилось очень хорошо узнать Роммеля. Хотя в это время на фронте было затишье, он не давал никакой передышки ни своему штабу, ни войскам. Роммель лихорадочно работал над укреплением наших позиций на границе, и в итоге весьма внушительный минный барьер протянулся между Сиди-Омаром и Эс-Саллумом. Не оставлял он и подготовки к захвату Тобрука. В течение этих так называемых недель затишья Роммель порой уже в 5 часов утра заходил в бронемашину штаба, чтобы узнать у начальника оперативного отдела самую свежую информацию. Затем он отдавал распоряжения штабу и в сопровождении одного из двух офицеров отправлялся к войскам – в Эс-Саллум или Тобрук, – где обычно и проводил весь день.

Как правило, за маршрутом таких поездок следит офицер штаба, но Роммель обладал столь развитым чувством направления и знанием местности, что сам указывал путь. Во время его посещений фронта он замечал все. От его взгляда не скрывалось ни плохо замаскированное орудие, ни слабо насыщенное минами минное поле, ни недостаточное количество патронов у часового. Везде и всюду он стремился лично убедиться, что его приказы выполняются должным образом. Простой и демократичный с солдатами и унтер-офицерами, с которыми он часто шутил, он становился резким и требовательным с командирами подразделений, если не одобрял их действия. После подобной разборки он, однако, мог выслушать доводы сопровождающего его штабного офицера в защиту несчастной жертвы его разноса.

⁴⁶ При случае Роммель не стеснялся в выражениях. Когда я спросил генерала фон Меллентина, что он думает о Джеймсе Масоне, исполнителе главной роли в фильме «Лис пустыни» (прозвище Роммеля. – *Пер.*), он улыбнулся и ответил: «Слишком вежлив». (*Примеч. англ. изд.*)

⁴⁷ Во время боев в котле с 30 мая по 1 июня 1942 г. начальник штаба генерал Гаузе и полковник Вестфаль, начальник оперативного отдела, были ранены.

⁴⁸ Вестфаль отменил приказ, предписывающий 21-й танковой дивизии вторгнуться в Египет, и отозвал дивизию в район Бардии.

Если же его упреки оказывались несправедливыми, Роммель никогда не упускал случая признаться в этом во время своего следующего посещения.

Энергией Роммеля можно было бесконечно восхищаться; порой он целый день проводил в подобных инспекциях, и это несмотря на сильную жару, которая в летние месяцы порой достигала 110 градусов (по Фаренгейту. Ок. 43 °С. – *Пер.*) в тени. Завтракал он парой бутербродов, съедая их на ходу в машине и запивая глотком чая из фляги. Поздний обед был не менее спартанским; Роммель обедал обычно в одиночку или же в обществе нескольких самых близких ему офицеров штаба. За обедом он позволял себе выпить стакан вина. Роммель настаивал, чтобы он и офицеры его штаба питались из солдатского котла. В Северной Африке питаться таким образом было довольно тяжело; мы месяцами не видели свежих овощей и жили только на консервах; более того, вода почти всегда была солоноватая, что чувствовалось даже в чае или кофе. От такого питания в войсках было много заболеваний, и в сентябре 1942 года мне самому пришлось покинуть Африку – я заболел амёбной дизентерией.

Роммель далеко не всегда был строгим командиром, решив расслабиться, он преобразился в восхитительного собеседника. В архиве Роммеля есть следующие строки из его письма жене: «10 сент. 1941. Вчера вечером я ездил на охоту вместе с майором фон Меллентином и лейтенантом Шмидтом (адъютантом). Это было чудесно. В конце охоты мне удалось подстрелить из машины бегущую газель. На ужин у нас была печенка, чрезвычайно вкусная».

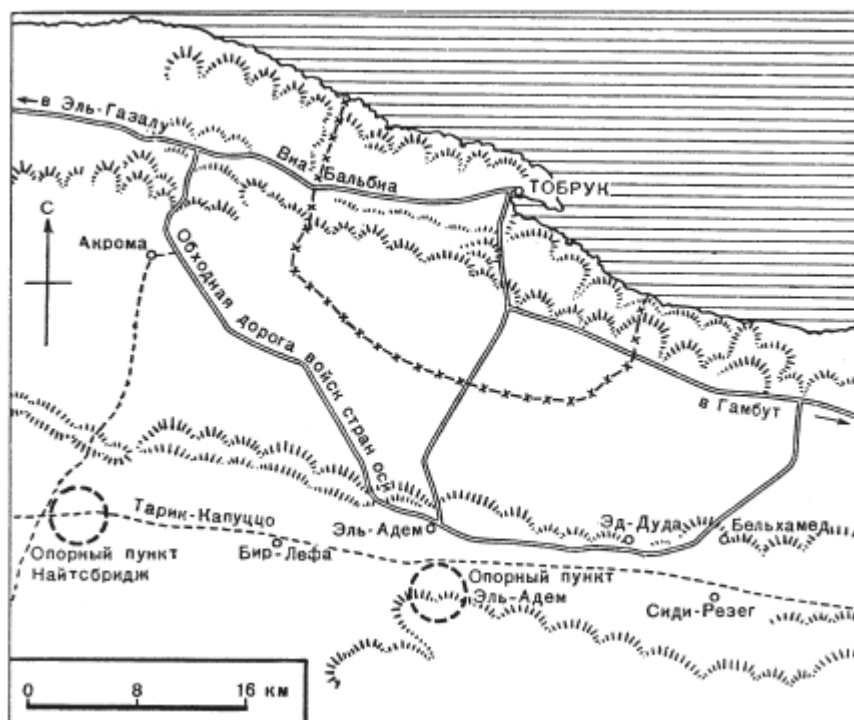
Моя оценка Роммеля как боевого генерала будет дана в последующих главах. По моему мнению, это был идеальный командующий для войны в пустыне. Его привычка командовать, будучи «впереди, на лихом коне», порой работала против него; решения армейского масштаба принимались зачастую под влиянием сугубо местных успехов или неудач. С другой стороны, появляясь лично в самом опасном месте, – а у Роммеля был сверхъестественный дар появляться в нужном месте в нужное время, – он мог изменять свои планы применительно к новой обстановке. В условиях Западной пустыни это становилось фактором высшей степени значимости. В планировании операций он был вдумчив и тщателен; в принятии решений на поле боя становился скор и дерзок, не упуская случая неожиданным и отважным ударом изменить течение битвы. Больше всего меня в нем восхищали отвага и находчивость, а также его несокрушимая решительность при самых критических обстоятельствах. Эти качества во всей полноте проявились во время его великолепного контрудара под Аджедабией в январе 1942 года, когда он застал врасплох и разбил победоносную 8-ю английскую армию; в ходе боев в котле, когда мы стояли перед лицом поражения – и одновременно находились накануне величайшей победы. Только его железная воля помогла нам удержать Эль-Аламейн в июле 1942 года, когда иссякали резервы, а боеприпасы были почти на исходе.

Между Роммелем и его войсками существовало такое взаимопонимание, которое нельзя объяснить или проанализировать, но которое представляет собой Божий дар. Африканский корпус следовал за Роммелем туда, куда его вел командующий, как бы ни был тяжёлый путь; это был все тот же корпус в составе тех же трех его дивизий – у Сиди-Резега, у Аджедабии, у Найтсбриджа и Эль-Аламейна. Солдаты и офицеры знали, что Роммель как командующий не даст себе ни малейшего послабления; они видели его рядом и чувствовали: это их командир.

Обычный день

Возможно, читателю будет интересно, если я подробно опишу обычный день в штабе Роммеля в период напряженных боевых действий. Период, который я выбрал, – это время от 18.00 15 июня и до 18.00 16 июня 1942 года. Обстановка на этот день была следующей.

После решающей победы 12 июня в ходе больших танковых сражений между Найтсбриджем и Эль-Адемом наши войска нанесли удар в северном направлении и 13 июня смяли британское сопротивление в районе Найтсбриджа. 14 июня Ритчи⁴⁹ решил отвести свои войска с их позиций в районе Эль-Газалы, и в течение дня Африканский корпус продолжал свое наступление к западу от Тобрука, достигнув холмов, господствующих над шоссе Виа-Бальбия и морем. Утром 15 июня Роммель решил, что уже слишком поздно, чтобы отрезать главные силы 1-й южноафриканской дивизии, которая отходила от Эль-Газалы по Виа-Бальбия на Тобрук. Он приказал 15-й танковой дивизии спуститься к морю с целью отрезать путь к отступлению южноафриканского арьергарда и отправил 21-ю танковую дивизию в обход к Эль-Адему, где 29-я индийская бригада удерживала хорошо укрепленный опорный пункт. По мнению Роммеля, это было жизненно необходимо для того, чтобы не дать англичанам никаких шансов укрепиться к югу от Тобрука. Соответственно его замыслам 21-й танковой и 90-й легкопехотной дивизиям было приказано занять Эль-Адем и Бельхамед, а затем двигаться через Гамбут, чтобы перекрыть пути снабжения крепости Тобрук с востока. Такова тактическая подоплека событий, которые я начинаю ныне описывать.

Карта 6. Подступы к Тобруку

⁴⁹ Генерал Нейл Метью Р и т ч и – преемник Каннингхэма на посту командующего 8-й английской армией. (Примеч. пер.)

Итак, время – 18.15. Штаб армии в Бир-Лефа. Генерал– полковник Роммель и начальник штаба полковник Байерлейн только что вернулись из поездки на передовую и зашли в мою штабную бронемашину⁵⁰. При мне был обер-лейтенант Фосс.

Роммель, вернувшийся из расположения 15-й танковой дивизии, сообщает, что, хотя часть арьергарда 1-й южноафриканской дивизии взята в плен, основные силы, сосредоточенные под Эль-Газалой, сумели уйти. Поэтому 21-й танковой дивизии было приказано во второй половине дня начать преследование противника, обходя Тобрук с востока.

Я докладываю обстановку: 21-я танковая дивизия вышла в район западнее Эд-Дуды, где неожиданно попала под сильный огонь противника, ведущийся с укрепленных позиций Эд-Дуда и Бельхамед. Донесения из 90-й легкопехотной дивизии говорили о том, что, хотя нам и удалось внедриться в оборону противника на отдельных участках к востоку и западу от Эль-Адема, но в целом оборона противника не прорвана. Командиры трех немецких разведывательных отрядов докладывают, что в районе к югу и юго-востоку от Эль-Адема они оттеснили вражеских разведчиков. Итальянский XX моторизованный корпус сосредотачивается вокруг Найтсбриджа, итальянские X и XXI корпуса двигаются к востоку через укрепления Эль– Газалы.

Положение противника. Противнику удалось уклониться от наших танков, и он оставил свои позиции у Эль– Газалы. Силы неприятеля (1-я южноафриканская и 50-я английская дивизии) и танковые бригады 1-й и 7-й бронетанковых дивизий собираются на ливийско-египетской границе. Воздушная разведка сообщает о постоянных перебросках войск к востоку от Тобрука. Радиоперехваты подтверждают, что 1-я южноафриканская и 50-я дивизии вместе с двумя бронетанковыми дивизиями находятся на границе⁵¹. Поэтому мы можем считать, что в районе Тобрука находится только 2-я южноафриканская дивизия, а дальние подступы к крепости занимают 11-я и 29-я индийские бригады.

Роммель: «Я намерен овладеть Тобруком штурмом. С этой целью дальние подступы к Тобруку, к югу и востоку от крепости, должны быть взяты без промедления, а английская 8-я армия оттеснена к востоку. Мои приказы на 16 июля следующие. – Роммель несколькими линиями обозначает свой замысел на оперативной карте. – Африканский корпус силами 21-й танковой дивизии возьмет Эд-Дуду и Бельхамед. 15-я танковая дивизия, в настоящий момент расположенная к западу от Тобрука, будет усилена итальянцами пока дивизией «Триесте» и переброшена в район Эль-Адем. Танковая дивизия «Ариете» будет прикрывать южный фланг, в районе юго-западнее Эль-Адема. 90-я легкопехотная дивизия возьмет Эль-Адем, итальянский X корпус будет блокировать Тобрук с юго-запада, а итальянский XX корпус – с запада.

Командующим военно-воздушными силами – сосредоточить главные усилия 16 июня в районе Эль-Адем – Эд– Дуда».

Все эти распоряжения были переданы в каждую из частей как частные приказания; в эти дни не было издано никаких приказов по армии, за исключением приказа о наступлении на Тобрук 18 июня.

В 19.30 Роммель отправился ужинать к своей машине, пригласив начальника штаба и меня составить ему компанию. (Обычно Роммель ужинает в одиночестве или в обществе своего адъютанта.) Разговор во время ужина сначала вращался вокруг воспоминаний о гарнизонной жизни в Винер-Нойштадте и о горных лыжах – Роммель был энтузиастом этого вида спорта. Вскоре, однако, темой разговора стал, как всегда, Тобрук. Роммель был охвачен единственным желанием – взять город. Штурмовать его предполагалось так, как было спла-

⁵⁰ Я был назначен начальником оперативного отдела после того, как 1 июня был ранен полковник Вестфаль.

⁵¹ Это не вполне соответствовало действительности, но мои доклады приводятся в соответствии с теми данными, которыми я в то время располагал.

нировано в ноябре 1941 года, то есть с юго– востока. Начальник штаба стал вслух оценивать наши перспективы и возможные действия противника, но замолчал, увидев, что Роммель уснул в своем кресле. Природа берет свое даже у этого сильного человека – с пяти часов утра он был на ногах, объезжая боевые позиции.

До полуночи продолжают поступать донесения от различных корпусов; они обрабатываются обер-лейтенантом Фоссом, общая сводка передается по радиосвязи в Берлин, одновременно итальянский штаб связи при танковой армии получает такую же сводку для последующей передачи итальянскому Верховному командованию в Риме.

16 июня, 4.30 утра. Дежурный офицер штаба отмечает на оперативной карте изменения, происшедшие за ночь.

4.50 утра. Роммель появляется в бронемашине начальника оперативного отдела штаба. Я докладываю ему обстановку по состоянию на сегодняшнее утро.

Вызван генерал-майор Краузе, командующий артиллерией армии, который получает приказ к полудню сосредоточить основную массу артиллерийских орудий для поддержки наступления 90-й дивизии. Затем следует разговор между Роммелем и начальником инженерной службы полковником Гекером, получившим приказ произвести рекогносцировку минных полей на юго-восточных подступах к Тобруку.

Начальник отдела тыла штаба (Па) полковник Шульте– Хойтхаус получает распоряжение найти место для нового КП армии в районе, непосредственно примыкающем с северо-запада к Эль-Адему.

В 6.00 Роммель с начальником штаба выезжает на КП 90-й легкопехотной дивизии. Оттуда он намеревается перебраться на КП Африканского корпуса, а затем 21-й танковой дивизии. С ним следуют связисты с радиостанциями, позволяющими поддерживать связь со всеми корпусами и дивизиями.

В 8.45 получено сообщение, что 21-я танковая дивизия овладела опорным пунктом Эд-Дуда.

С 9.00 вражеские бомбардировщики наносят массированные удары по районам расположения Африканского корпуса и 90-й дивизии. По КП армии нанесено несколько бомбовых ударов.

В 10.15 со мной связался по телефону начальник снабжения армии майор Отто, был введен мною в обстановку и поставлен в известность о готовящемся штурме Тобрука. Он пожаловался, что в течение последней недели тоннаж морских перевозок для наших войск был значительно урезан итальянским Верховным командованием в пользу итальянской танковой дивизии «Литторио», которая перебрасывается в Африку. Поэтому ситуация со снабжением армии морем становится совершенно критической, особенно в отношении бензина. (Ситуация значительно улучшилась после того, как было захвачено значительное количество горючего в районе Гамбута.)

В 10.30 служба радиоперехвата докладывает о переговорах открытым текстом между 29-й индийской бригадой и 7-й бронетанковой дивизией противника, из которых следует, что гарнизон Эль-Адема намерен в ночь с 16 на 17 июня осуществить прорыв. Информация немедленно доложена Роммелю и на КП 90-й дивизии.

11.30. Передан приказ Роммеля на КП 90-й дивизии: «Немедленно прекратить наступление. Окружить опорный пункт Эль-Адем. Артиллерии армии усилить огонь по опорному пункту».

11.30. С начальником разведки обсуждаем обстановку на фронте. Поступает дополнительное подтверждение того, что главные силы 8-й армии отводятся к границе. Тот факт, что 2-я южноафриканская дивизия оставлена в Тобруке, позволяет заключить, что крепость будет защищаться.

12.15. Начальник связи армии полковник Бюхтинг докладывает, что на новом КП связь будет налажена к 15.30.

12.40. С генералом графом Барбасетти, начальником итальянского штаба связи, обсуждаем положение на фронте. Он сообщает, что танковая дивизия «Литторио» уже в пути и передовые ее части будут в районе Эль-Газалы сегодня вечером. Но итальянское Верховное командование до сих пор не дало разрешения на участие дивизии в операции.

12.50. В полученном по радио сообщении от XXI итальянского корпуса говорится, что все части 15-й танковой дивизии, находившиеся в прибрежной зоне, сменены.

13.15–13.50. Получено несколько донесений от итальянской танковой дивизии «Ариете» и 3-го и 580-го разведотрядов. Все атаки 7-й английской моторизованной бригады к югу и юго-востоку от Эль-Адема отбиты.

15.00. Я вместе с офицерами 1-й оперативной секции перемещаюсь на новый КП. По дороге мы попадаем под артиллерийский огонь с юга и подвергаемся нескольким атакам с воздуха. (Остальные офицеры оперативного отдела остаются на старом КП до тех пор, пока я не сообщу, что новый КП начал действовать.)

15.45. Я прибываю на новый КП, причем оказывается, что Роммель меня опередил.

16.15. В моей машине происходит разговор между Роммелем и фельдмаршалом Кессельрингом. Роммель докладывает обстановку и аргументирует свое намерение атаковать Тобрук с юго-востока. Кессельринг пообещал поддержать это наступление всеми военно-воздушными силами, имеющимися в его распоряжении. Он объясняет, что до 15 июня, а также сегодня его эскадрильи не могли поддерживать танковую армию, поскольку вели действия против английских конвоев, идущих на Мальту.

18.15. Сиди-Резег взят 21-й танковой дивизией.

19.00. Я докладываю обстановку командующему. Роммель отдает следующие распоряжения на 17 июня: «Продолжить действия по захвату внешних рубежей обороны Тобрука, завершить окружение крепости, сдерживать силы неприятеля на востоке и юге».

Техника и вооружение

В своих воспоминаниях Роммель пишет: «Северную Африку вполне можно было считать театром, где военные действия велись самым современным образом... Пустыня оказалась идеальным местом, где нашли применение на практике и развитие те принципы боевого использования танков, которые до войны были разработаны теоретически. Лишь в пустыне стали возможны настоящие танковые сражения с участием большого количества техники»⁵².

Ожесточенные танковые сражения в Западной пустыне не могут быть до конца осмыслены без упоминания о вооружении обеих сторон. Вопреки общепринятому мнению немецкие танки отнюдь не превосходили по своим качествам машины своих противников, численно же они всегда им уступали. В ходе операции «Крусейдер» в ноябре 1941 года с английской стороны принимали участие 748 танков, в их числе 213 «матильд» и «валентайнов», 220 «крусейдеров», 150 танков других английских марок и 165 американских «стюартов». Наша танковая группа им противопоставила 249 немецких и 146 итальянских боевых машин⁵³. Итальянские танки, с их слабой броней, 47-мм пушками с низкой начальной скоростью снаряда, сильно уступали всем типам танков противника и к тому же были весьма непрочны.

⁵² Krieg ohne Hass. P. 118.

⁵³ Я не упоминаю в этих расчетах итальянские танки «L-3» и британские «Mark-VI». Они были вооружены только пулеметами, имели очень слабую броню и были совершенно бесполезны.

Из всех немецких танков 70 машин были «Т-II». Они имели на вооружении только тяжелые пулеметы и поэтому в танковом сражении могли использоваться только в целях разведки. Основную же массу наших танковых сил составляли 35 танков «Т-IV» и 139 танков «Т-Ш» (было у нас еще и пять трофейных английских «матильд», о которых мы все были весьма высокого мнения). Танк «Т-IV» вызывал у англичан чуть ли не священный ужас, в основном потому, что был оснащен 75-мм пушкой. Эта пушка, однако, придавала выпускаемому снаряду малую начальную скорость и потому имела невысокую пробивную способность. Хотя мы и использовали наши «Т-IV» в танковых сражениях, они были куда ценнее в качестве огневой поддержки пехоты⁵⁴. Танк «Т-Ш», использовавшийся в операции «Крусейдер», имел только 50-мм пушку с малой начальной скоростью снаряда, которая, как признают ныне английские эксперты, не имела никаких преимуществ по сравнению с английской 2-фунтовкой. Не превосходили наши танки машины противника и по толщине брони. Английские тяжелые пехотные танки – «матильды» и «валентайны» – значительно превосходили их в этом отношении, и даже «крусейдеры» и «стюарты» были лучше бронированы, чем наши «Т-Ш». Так, к примеру, максимальная толщина брони танков «Т-Ш» была равна 30 мм, тогда как лобовая броня корпуса и башни «крусейдера» достигала 47 мм, а «стюарта» – 44 мм⁵⁵.

Тогда чем же можно объяснить блестящие успехи Африканского корпуса? По моему мнению, наши победы обуславливались тремя факторами – более высоким качеством наших противотанковых орудий, систематическим применением принципа взаимодействия всех родов войск и нашими тактическими методами. В то время как англичане ограничивали применение своих 3,7-дюймовых зенитных пушек (весьма мощного оружия) только противовоздушной обороной, мы использовали наши 88-мм пушки как против танков, так и против самолетов. В ноябре 1941 года у нас было только 35 88-мм пушек, но, перебрасывая их с одного участка фронта на другой вместе с танками, мы нанесли громадные потери английским танкам. Более того, наши 50-мм противотанковые орудия с высокой начальной скоростью снаряда значительно превосходили английскую 2-фунтовку, и батареи этих орудий всегда поддерживали в ходе боев наши танки. Наша полевая артиллерия поддерживала постоянное взаимодействие с танками. Короче говоря, немецкая танковая дивизия представляла собой в высшей степени гибкое соединение всех родов войск, которое могло надеяться на артиллерию как в наступлении, так и в обороне. Англичане, напротив, считали противотанковые пушки исключительно оборонительным средством и оказались не в состоянии должным образом использовать свою мощную полевую артиллерию для уничтожения наших противотанковых орудий.

Наша тактика применения бронетанковых сил была разработана в предвоенные годы генералом Гудерианом, Роммель тщательно изучил его принципы и творчески применил их в условиях пустыни. Их ценность была в полной мере доказана в ходе крупного танкового сражения, которое началось 18 ноября 1941 года⁵⁶.

⁵⁴ С июня 1942 г. мы начали получать танки «Т-IV» с 75-мм пушкой, с более высокой начальной скоростью снарядов. Это был отличный танк, намного превосходящий своего предшественника. В мае 1942 г. к нам стали поступать новые танки «Т-Ш» с 50-мм пушкой и большой начальной скоростью снаряда – также превосходные машины.

⁵⁵ Толщина брони наших «Т-Ш» и «Т-IV» была фактически удвоена в 1942 г. в результате полученного в России опыта.

⁵⁶ При меньшем числе танков наше командование, как правило, сосредоточивало большое количество танков и орудий в решающем месте.

5 Сиди-Резег

В период между 19 и 23 ноября 1941 года 8-я армия и танковая группа «Африка» вели танковую битву, которая занимает исключительное место в истории войн. Еще никогда сражение не велось в таком быстром темпе и с такой головокружительной сменой успехов и неудач. Более тысячи танков, поддержанных большим числом самолетов и орудий, сошлись в ожесточенной битве на местности, которая давала абсолютную свободу маневра и велась военачальниками, которые готовы были бросить все до последнего резерва, чтобы одержать победу. Обстановка на поле битвы менялась с такой быстротой, что было трудно следить за действиями своих собственных войск, не говоря уж о действиях неприятеля. Неясность обстановки усугублялась и облаками пыли, поднятой движущимися танками, и, как образно заметил Окинлек, «временами туман сражения буквально окутывал поле боя»⁵⁷.

Это сражение потребовало от военачальников и штабных работников напряжения всех их сил и даже только поэтому, как мне кажется, заслуживает сегодня самого тщательного изучения. Мы, как представляется, можем извлечь куда более значительные уроки из этого «сражения маневра» в пустыне, чем из всех последующих кампаний, где исход сражений решался количеством танков и вооружения. Поэтому я считаю необходимым рассмотреть это сражение во всех подробностях, но до того, как сделать это, я обрисую стратегическую ситуацию.

В течение лета и осени 1941 года все германское планирование операций в Северной Африке вращалось вокруг проблем военного снабжения. Как германское, так и итальянское военное руководство прекрасно понимали, что в Африке не может быть достигнуто никаких значительных результатов, пока Роммель не захватит Тобрука. В июле он получил приказ подготовить штурм этой крепости и надеялся взять ее в сентябре. Но постоянные потери транспортов с военными грузами, отправляемыми в Африку, заставили нас откладывать этот штурм из месяца в месяц, пока наконец в качестве окончательной даты не было определено 21 ноября.

Над нашими коммуникациями, связывавшими Европу и Африку, господствовали англичане, владеющие островом Мальта. Я готов заявить, что именно этот остров оказал решающее влияние на весь ход войны в пустыне. Это прекрасно понимал и гросс-адмирал Редер, когда в апреле 1941 года самым решительным образом убеждал Гитлера в том, что Мальту необходимо захватить до нападения на Россию. Игнорирование этого совета заставило нас заплатить высокую цену человеческими жизнями и материальными ценностями; более того, оно сделало наше поражение неизбежным. Британский флот и военные самолеты, базировавшиеся на Мальте, проявили особую активность в период, предшествовавший операции «Крусейдер», о чем свидетельствуют следующие цифры. В июле 1941 года англичане потопили 17 % военных грузов, отправленных в Африку, а в августе – уже 35 %. В сентябре потери судов, идущих в Африку, составили 38 % всего количества, в том числе 49 тысяч тонн грузов было потоплено и 14 тысяч тонн повреждено. Из 50 тысяч тонн военных грузов, отправленных в Ливию в октябре, только 18,5 тысячи тонн дошло до места назначения. В ночь с 8 на 9 ноября конвой из семи транспортов, шедший под охраной итальянских крейсеров и эсминцев, был потоплен англичанами, которые в ходе этой операции не понесли никаких потерь. Нет необходимости говорить о том, что все эти потери самым серьезным

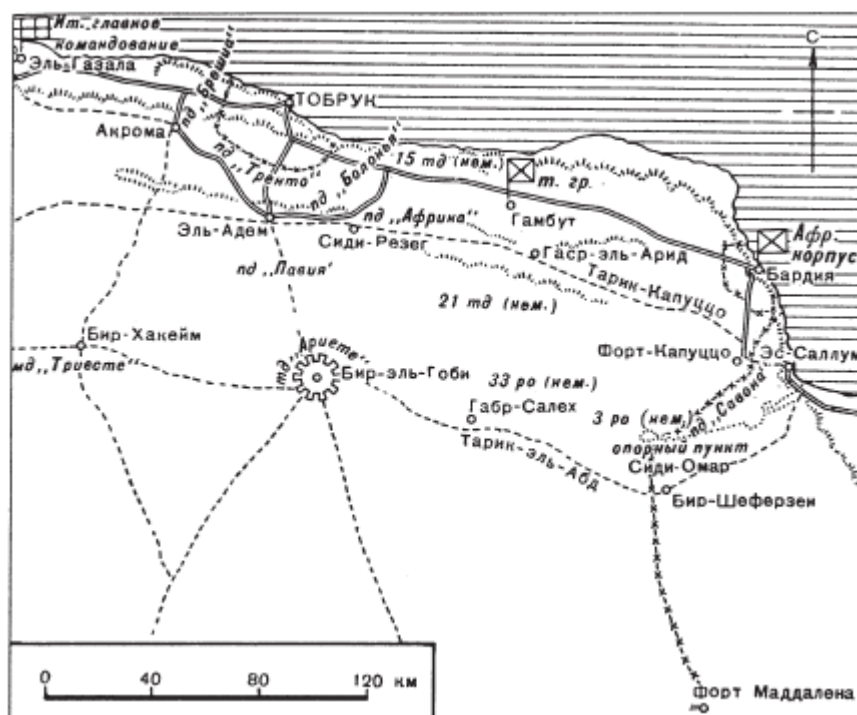
⁵⁷ *Auchinleck C.J.E., Field-Marshal Sir. Dispatch.*

образом повлияли на положение со снабжением наших войск в Африке и сыграли важную роль в конечном успехе 8-й армии в операции «Крусейдер»⁵⁸.

Впервые прибыв в Африку, Роммель почти не интересовался проблемой снабжения войск, но со временем он понял, что этот вопрос был основой основ.

Пока мы стояли у крепости Тобрук, ожидая пополнения запасов и подкрепления, без которых не могли идти на штурм, численность английских войск на Среднем Востоке значительно увеличилась. Окинлек смог продолжить подготовку большого наступления, целью которого было выбить нас из Киренаики, он строил планы, исходя из предположения, что главные военные усилия Британской империи будут направлены на Средний Восток. В штабе танковой группы мы были прекрасно осведомлены о том, что происходит, и я, в качестве начальника разведотдела, отвечал за подробнейшую информацию о силах и намерениях неприятеля.

В середине октября я составил сводку для всех частей, в которой указывал на вероятность крупномасштабного английского наступления в самом ближайшем будущем. Уже в течение нескольких недель наша воздушная разведка сообщала о строительстве узкоколейной ветки от Мерса-Матруха по направлению к границе. В сентябре наша служба радиоперехвата установила, что 1-я южноафриканская и 2-я новозеландская дивизии перемещаются из дельты Нила в район Мерса-Матрух. Дальняя воздушная разведка подтвердила, что многочисленные конвои союзников через Красное море направляются к Суэцкому каналу.

Карта 7. Положение войск стран оси на 17 ноября 1941 года

Такое развитие событий поставило нас в крайне затруднительное положение. Большинство наших проблем решилось бы со взятием Тобрука, и к 26 октября Роммель счел, что у него достаточно сил для взятия крепости, и отдал необходимые распоряжения. Под-

⁵⁸ Даже когда военные грузы доходили до Африки, было не так-то легко обеспечить их транспортировку до линии фронта, находившейся на значительном расстоянии от портов. Надо было преодолеть 700 миль от Триполи до Бенгази, 300 миль от Бенгази до Тобрука и 350 миль от Тобрука до Эль-Аламейна. Когда мы находились под Эль-Аламейном, большую часть грузов приходилось доставлять за 1400 миль от Триполи.

готовка к штурму должна была быть закончена к 15 ноября, но сам штурм предполагалось начать не раньше 20 ноября, пока не наступят белые ночи. При этом существовала реальная опасность того, что 8-я армия первой перейдет в наступление или нанесет свой удар в тот момент, когда наши силы уже втянутся в бои за крепость; в этом случае наше положение оказалось бы критическим.

Кроме того, Роммель был обеспокоен поведением итальянцев. Формальный начальник Роммеля генерал Бастико, главнокомандующий итальянскими силами в Северной Африке, был убежден, что англичане готовят наступление, и не уставал повторять, что вражеское наступление будет не просто отвлекающим маневром, но массированным наступлением, имеющим целью достижение решающей победы. Бастико считал, что оно будет предпринято одновременно с нашим штурмом Тобрука, и поэтому убеждал Роммеля отказаться от штурма крепости. Роммель не хотел и слышать об этом и, как мне кажется, был совершенно прав. Война всегда несет в себе элемент риска, а отказ от наших планов относительно Тобрука и переход к обороне означал бы передачу инициативы противнику. Захват же Тобрука значительно бы упрочил наше положение, и Роммель был готов пойти на риск, который влекло за собой такое предприятие.

Чтобы хотя бы частично рассеять опасения итальянцев и предотвратить их вмешательство в его планы, Роммель велел офицерам своего штаба все переговоры с итальянцами вести в самоуверенном тоне, и в ноябре – по мере приближения даты нашего штурма – я каждый раз намеренно преуменьшал вероятность наступления англичан, когда мне приходилось разговаривать с нашими союзниками. Будучи в ноябре в Риме, Роммель придерживался такой же линии поведения и в беседе с Уго Каваллеро, начальником итальянского Генерального штаба. В своих воспоминаниях Каваллеро писал: «Я спросил Роммеля, существует ли вероятность широкомасштабного наступления англичан с целью окружения наших войск. Роммель оценил такую возможность как весьма маловероятную, указав, что противник будет опасаться того, что пути его отхода могут оказаться отрезанными итало-германскими дивизиями. Он предвидел лишь действия незначительных сил англичан при поддержке авиации»⁵⁹.

Итальянская официальная история делает подобный вывод: «Немецкая разведка по непонятным причинам не разделяла мнения о том, что англичане предполагают перейти в наступление, и рассматривала информацию, добытую нашей разведывательной службой, как «излишнюю латинскую нервозность». 11 ноября начальник немецкого разведывательного отдела (т. е. я сам, как занимавший тогда этот пост) в разговоре с итальянским офицером связи, который говорил о возможном наступлении англичан, заметил: «Майор Реветрия (начальник итальянской разведывательной службы) излишне нервничает. Скажите ему, чтобы не беспокоился, потому что англичане не решатся на наступление»⁶⁰.

На самом же деле мы были весьма обеспокоены возможностью наступления англичан, и Роммель принимал соответствующие меры. Наши позиции на фронте, протянувшемся на 25 миль от Эс-Саллума до Сиди-Омара, были прикрыты плотными минными заграждениями и оборонялись батальонами дивизии «Савона», усиленными нашими батареями с 88-мм пушками. Наступающие английские войска при любом варианте были бы вынуждены сделать в пустыне широкий маневр обхода наших позиций, подставив под удар свои растянутые коммуникации.

После долгих размышлений Роммель решил не задействовать 21-ю танковую дивизию при штурме Тобрука, и это соединение отведено в район южнее Гамбута, где и находилось в постоянной готовности вступить в бой при любой попытке англичан помешать нашим пла-

⁵⁹ Comando Supremo. Bologna, Capelli, 1948. P. 150.

⁶⁰ Manzetti F. Seconda Offensiva Britannica in Africa. Rome, Historical Section, Italian General Staff, 1949. P. 41.

нам. Роммель пошел на этот шаг, потому что наши разведывательные донесения свидетельствовали о высокой вероятности наступления англичан. 15-я танковая дивизия и недавно сформированная дивизия «Африка» должны были идти на Тобрук, но 15-я танковая должна была планировать свои действия, исходя из того, что она может была переброшена, будучи предупрежденной за сутки, на поддержку 21-й дивизии. Кроме того, итальянский бронетанковый корпус должен был удерживать Бир-Хакейм и Бир-эль-Гоби и прикрывать подходы к Тобруку с юга⁶¹.

Два немецких разведотряда – 3-й и 33-й – прикрывали разрыв между Бир-эль-Гоби и Сиди-Омаром, а наши самолеты проникали далеко за линию границы. Главные силы противника были сосредоточены в районе Мерса-Матрух, и 11 ноября, при оценке обстановки, я писал: «Сколько-нибудь серьезных наступательных действий противника не следует ожидать до того времени, пока его главные силы не придут из района Мерса-Матрух – Эль-Даба в район сосредоточения вблизи от Эс-Саллума». Я считал, что если англичане ответят на наш штурм Тобрука своим наступлением, то им потребуется три дня на концентрацию сил, прежде чем они смогут значительно углубиться в сектор Тобрука. За это время мы надеялись овладеть крепостью.

Танковая битва

16 ноября артиллерия 15-й танковой дивизии начала выдвижение на свои позиции юго-восточнее Тобрука, а подразделения дивизии «Африка»⁶² изготовились к штурму города. Весь день дул сильный ветер, и в течение последующих суток на Киренаику обрушился ливень небывалой силы. Вздвигшиеся реки снесли мосты, дороги превратились в бушующие потоки, а все наши аэродромы оказались залитыми водой. В течение нескольких дней ни один самолет не мог подняться в воздух, и, естественно, ни о какой воздушной разведке не могло быть и речи⁶³.

15 ноября наша служба радиоперехвата сообщила, что 1-я южноафриканская дивизия, по всей видимости, перебрасывается в район западнее Мерса-Матруха. Эти сведения на следующий день подтвердились. 17 ноября генерал фон Равенштейн решил усилить наши дозорные отряды противотанковой ротой, и тем же вечером служба радиоперехвата доложила о полном радиомолчании англичан⁶⁴.

Утром 18 ноября мы опять отметили «почти полное радиомолчание» англичан. Воздушная разведка с нашей стороны была невозможна, поскольку «взлетно-посадочные полосы были покрыты толстым слоем жидкой грязи». Но начиная с полудня мы стали получать донесения от передовых постов 21-й танковой дивизии: на стороне противника наблюдалось большое количество броневых автомобилей, двигавшихся на север в направлении дороги Тарик-эль-Абд. Роммель считал, что это будет всего лишь разведка боем, и в течение всего дня штаб танковой группы занимался подготовкой к штурму Тобрука.

Вечером этого дня для встречи с Роммелем на командный пункт приехал генерал Крювель, командир Африканского корпуса. Он рассказал, что фон Равенштейн обеспокоен и

⁶¹ В этот корпус входили танковая дивизия «Ариете» и моторизованная дивизия «Триесте». Командовал корпусом генерал Гамбара, начальником штаба был Бастико, который не был подчинен Роммелю. Но после разговора с Роммелем 29 октября Гамбара согласился перебросить «Триесте» в Бир-Хакейм, а «Ариете» – в Бир-эль-Гоби. Роммель тогда сказал Гамбаре: «Это снимает большую тяжесть с моей души».

⁶² Позднее – 90-я легкопехотная дивизия. Состояла большей частью из бывших солдат французского Иностранного легиона, в ноябре 1941 года была плохо вооружена, поскольку большая часть ее тяжелого вооружения все еще находилась в Неаполе.

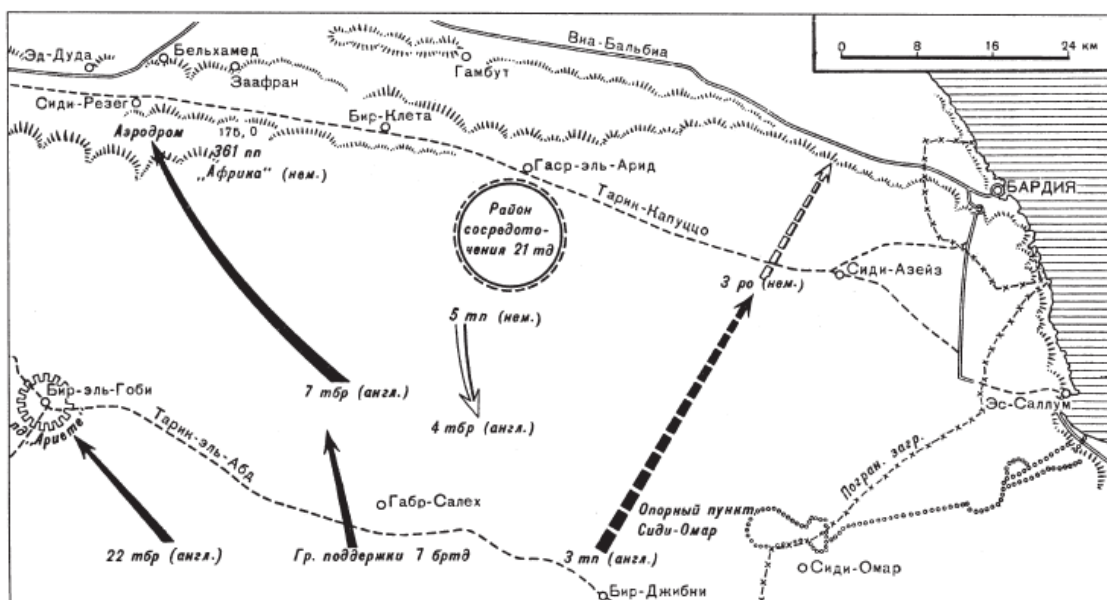
⁶³ В ходе операции «Крусейдер» вражеская авиация намного превосходила по численности нашу.

⁶⁴ В ночь с 17 на 18 ноября английские командос напали на наш штаб в Беда-Литторио, полагая, что Роммель находится там. Как хорошо известно, эта непродуманная акция закончилась трагедией для англичан.

хочет утром 19 ноября выслать боевую группу к Габр-Салеху. Крювель доложил Роммелю, что приказал командиру 15-й танковой дивизии быть в готовности для переброски из района Тобрука для поддержки 21-й танковой дивизии в район южнее Гамбута. Однако Роммель, раздраженный таким отношением Крювеля, не хотел отказываться от давно выношенного им штурма Тобрука. «Мы все не должны нервничать», – сказал он. Он запретил высылку боевой группы к Габр-Салеху, чтобы «не спугнуть противника раньше времени». Тем не менее Роммель предупредил итальянцев, что тем следует «усилить наблюдение» к востоку и югу от Бир-эль-Гоби.

Утром 19 ноября Крювель снова прибыл в штаб в Гамбуте и имел длительную беседу с Роммелем. Он объяснил, что положение очень серьезное: наши разведотряды были отброшены за Тарик-эль-Абд крупными танковыми силами противника, энергично продвигавшимися в северном направлении. Все происходящее было не разведкой боем, а наступлением, для отражения которого требовались незамедлительные меры. Роммель согласился с тем, чтобы 21-я танковая дивизия была переброшена к Габр-Салеху и что 15-я танковая должна вечером сегодняшнего дня прибыть в район сосредоточения южнее Гамбута. После завтрака Роммель лично прибыл в расположение 21-й танковой дивизии, чтобы наблюдать за наступлением своих танкистов, – великая танковая битва вот-вот должна была начаться.

Сегодня я понимаю, что приказ 21-й танковой дивизии был отдан слишком поспешно и для нее было бы лучше не вступать в сражение до той поры, пока все силы Африканского корпуса не соберутся вместе. Но к полудню 19 ноября оценить обстановку было трудно – мы знали только то, что крупные английские бронетанковые силы пересекли границу в районе форта Маддалена и продвигаются на север, тогда как другие вражеские подразделения вступили в огневой контакт с нашими передовыми постами. Когда ситуация неясна, то лучше всего сосредоточиться и ждать дальнейшей информации, но Роммель все еще надеялся на то, что англичане лишь проводят разведку боем, а 21-я танковая дивизия заставит их отступить.

Карта 8. Танковая схватка 19 ноября

На самом же деле решение бросить в бой 21-ю танковую дивизию было гораздо более рискованным, чем мы в то время представляли. Утром 19 ноября вся 7-я английская бронетанковая дивизия находилась в районе Габр-Салеха, и, если бы эти силы оставались сосредоточенными, это повлекло бы за собой очень серьезное поражение 21-й танковой дивизии.

Но к счастью для нас, генерал Каннингхэм, командующий 8-й армией, решил рассредоточить свои бронетанковые силы, так что в течение суток части 7-й бронетанковой дивизии стали двигаться в различных направлениях⁶⁵. 22-я бронетанковая бригада стала наступать на Бир-эль-Гоби, где ее атака была решительно отбита итальянцами, 7-я бронетанковая бригада предприняла наступление к северу, на аэродром Сиди-Резег, вслед за ней двинулась и дивизионная группа поддержки⁶⁶. В Габр-Салехе осталась только 4-я бронетанковая бригада, которой было поручено поддерживать связь с левым флангом XIII английского корпуса (2-я новозеландская дивизия, 4-я индийская дивизия и 1-я армейская танковая бригада), который стоял против наших позиций на границе.

21-я танковая дивизия получила приказ нанести удар силами боевой группы, состоявшей из 5-го танкового полка, усиленного двенадцатью полевыми орудиями и четырьмя 88-мм пушками. Группу возглавил командир полка полковник Штефан, впоследствии погибший в ходе кампании. Примерно в 15.30 он атаковал крупные британские танковые силы вблизи Габр-Салеха и в ожесточенном бою, который длился до вечера, отбросил англичан за Тарик-эль-Абд.

Наши потери были незначительными – два танка «Т-III» и один «Т-II»; у англичан было подбито 23 танка⁶⁷.

Вечером 19 ноября в штабе танковой группы по-прежнему не было полной ясности относительно сложившейся обстановки. Во второй половине дня английские танки и южноафриканские бронеавтомобили овладели аэродромом Сиди-Резег, который практически не охранялся. Командование дивизии «Ариете» докладывало, что на ее участке у Бир-эль-Гоби подбито около 50 танков противника, которые атаковали удерживаемые итальянцами позиции. Еще одна сильная группа англичан, по имеющимся данным, преследовала наш 3-й разведывательный отряд и оттеснила его за Тарик-Капуццо неподалеку от Сиди-Азейза. Поступали также донесения о частях неприятеля, передвигающихся к западу от Джарабуба⁶⁸.

Вечером того же дня генерал фон Равенштейн доложил по телефону обстановку генералу Крювелю. Он предложил сосредоточить обе танковые дивизии в одном месте, но не предпринимать никаких крупномасштабных действий до тех пор, пока у нас не будет четкой картины расположения сил противника и его намерений. Его опасения были обоснованны, поскольку весь ход сражения зависел от того, насколько правильными будут решения, принятые Роммелем или Крювелем. Полковник Байерлейн, начальник штаба Крювеля, позвонил в штаб танковой группы и спросил, что он должен делать. Роммель предоставил Крювелю свободу действий, приказав ему «уничтожить вражеские боевые группы в районе Бардия – Тобрук – Сиди-Омар до того, как они смогут создать серьезную угрозу для Тобрука».

Крювель был польщен оказанной ему честью – противостоять сразу трем основным группировкам противника: силам под Габр-Салехом, которые вели бой с полковником Штефаном, силам, продвигающимся к Тобруку через Сиди-Резег, и силам, сосредоточенным

⁶⁵ Первоначально замысел генерала Каннингхэма состоял в том, чтобы перебросить 7-ю бронетанковую дивизию к Габр-Салеху и затем дожидаться реакции Роммеля. План этот был не очень хорош; тем не менее если бы Каннингхэм осуществил его, то мог бы одержать блестящую победу. 7-я бронетанковая дивизия была авангардом 30-го корпуса, в который входили также 1-я южноафриканская дивизия и 22-я гвардейская бригада.

⁶⁶ Под командованием бригадного генерала Кэмпбелла. Группа поддержки располагала 36 противотанковыми 2-фунтовыми и 36 25-фунтовыми пушками.

⁶⁷ Это были «стюарты». Лишь два полка 4-й бронетанковой бригады участвовали в бою; еще один – 3-й королевский танковый – преследовал наш разведотряд и не смог вернуться вовремя. 4-я танковая бригада имела два артиллерийских дивизиона, но в бою принял участие, по всей видимости, только один из них.

⁶⁸ Это была 29-я индийская бригада с приданными ей 6-м и 7-м южноафриканскими бронеавтомобильными полками. Эта группа должна была создать впечатление, что через пустыню к Бенгази движется крупное бронетанковое соединение. Действия группы, безусловно, заставили нас понервничать, но у Роммеля просто не было сил, чтобы направить против этого отряда. Джарабуб расположен примерно в 80 милях к югу от форта Мадалена.

на восточном фланге, которые преследовали 3-й разведывательный отряд, отброшенный за Тарик-Капуццо.

Крювель решил сосредоточить свои усилия в направлении Сиди-Омара, намереваясь уничтожить группу, которая угрожала 3-му разведывательному отряду. Но со второй половины дня в этом районе уже действовал 3-й королевский танковый полк, так что эта группа к настоящему моменту отступила и соединилась с 4-й бронетанковой бригадой. Тем не менее 20 ноября весь Африканский корпус продвигался в восточном направлении на Сиди-Азейз и затратил большую часть дня, преследуя воображаемого противника. 21-я танковая дивизия в конце концов осталась без горючего и остановилась в пустыне, примерно в шести милях севернее Сиди-Омара. В штаб танковой группы понеслись отчаянные призывы о помощи. Но все, что мы могли сделать, – это отправить колонну грузовиков с горючим, которая прибыла к замершей без движения дивизии лишь поздно ночью.

15-я танковая дивизия продвинулась по Тарик-Капуццо до Сиди-Азейза, а затем развернулась широкой дугой к юго– западу. Ближе к вечеру дивизия вступила в бой с 4-й бронетанковой бригадой, которая все еще занимала позиции у Габр-Салеха. Ожесточенное сражение продолжалось до темноты; англичане понесли серьезные потери в танках и снова были отброшены за Тарик-эль-Абд. Но решительного успеха достигнуто не было, и день 20 ноября для нас был потерян. Тем временем английская 7-я бронетанковая бригада и группа артподдержки сосредоточили свои усилия на удержании аэродрома Сиди-Резег и отбили все контратаки Африканской дивизии. 22-я английская бронетанковая бригада выдвинулась из Бир-эль-Гоби на помощь 4-й бронетанковой бригаде, но прибыла на место уже ночью.

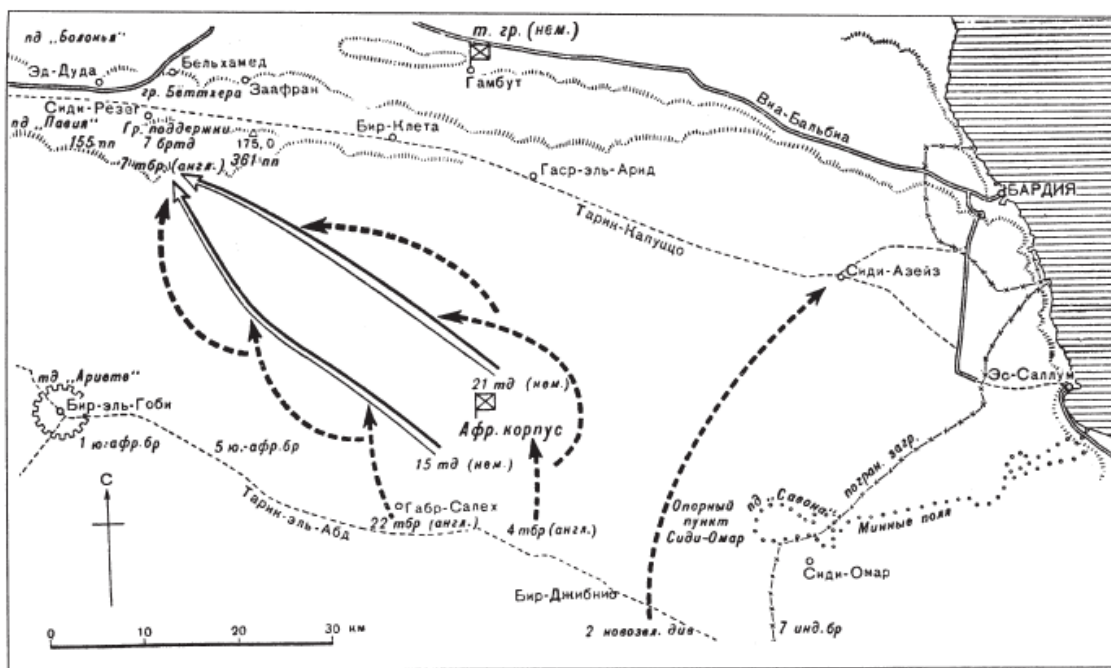
Нет никаких сомнений в том, что 20 ноября мы упустили колоссальную возможность победить. Каннингхэм проявил небывалую любезность, бросив 7-ю бронетанковую дивизию через всю пустыню, но мы не смогли воспользоваться этой его щедростью. Если бы Африканский корпус сконцентрировал свои силы у Габр-Салеха утром 20 ноября, он мог бы уничтожить 4-ю бронетанковую бригаду. С другой стороны, если бы он двинулся на Сиди-Резег, то смог бы нанести сокрушительное поражение английским войскам в этом районе. Тогда победа в операции «Крусейдер» досталась бы нам достаточно легко, поскольку все силы 8-й английской армии были разбросаны по гигантской дуге, протянувшейся от Эс-Саллума до Бир-эль-Гоби⁶⁹. Вся эта операция продемонстрировала необходимость осторожности и тщательной оценки разведывательных данных, предшествующей принятию одним человеком решения об участии главных бронетанковых сил в крупном сражении в условиях быстро меняющейся обстановки.

Разгром 7-й бронетанковой дивизии

Вечером 20 ноября Крювель встретился с Роммелем, который к этому времени уже полностью осознал всю серьезность нашего положения. Роммель решил, что 21 ноября Африканский корпус должен выдвинуться к Сиди-Резегу, чтобы «атаковать и уничтожить неприятельские силы, которые продвигаются к Тобруку». В 4.00 21 ноября Роммель передал Крювелю приказ, в котором подчеркивалось, что «ситуация на всем театре военных действий весьма критическая», и предписывалось действовать «с опережением ранее установленных сроков».

⁶⁹ Справедливости ради необходимо отметить, что генерал Каннингхэм не разрабатывал план операции «Крусейдер». План этот был предложен ему штабом британских сил на Среднем Востоке, когда генерал в сентябре прибыл из Восточной Африки. Основной недостаток английского плана заключался в том, что согласно ему XXX корпус (7-я бронетанковая дивизия, 1-я южноафриканская дивизия и 22-я гвардейская бригада) должен был один вступить в бой и нанести поражение танковой группе, и лишь после этого боевые действия должны были начать XIII корпус и гарнизон Тобрука. (Примеч. англ. изд.)

Эти приказы, однако, было не так-то просто выполнить, поскольку 15-я и 21-я танковые дивизии сначала должны были оторваться от 4-й и 22-й английских бронетанковых бригад в районе Габр-Салеха. Африканский корпус сформировал сильный арьергард, усиленный 88-мм и противотанковыми пушками, нанеся большие потери англичанам, когда те попытались предотвратить перемещение наших войск на север. Тем не менее английские танки смогли прорваться к нашим моторизованным колоннам и поджечь несколько грузовиков. К полудню обе английские бригады прекратили преследование и остановились для заправки.

Карта 9. Наступление на Сиди-Резег 21 ноября

Пока арьергард сдерживал преследующих нас англичан, танки 15-й и 21-й дивизий вместе с приданной им артиллерией быстро продвигались по направлению к Сиди-Резегу. Командир 7-й английской бронетанковой бригады принял решение оставить 6-й танковый полк вместе с группой поддержки на аэродроме Сиди-Резег и бросить 7-й гусарский и 2-й королевский танковый полки для отражения наших наступающих танков. Такое решение были типичным для британской тактики того времени – их командиры не стремились сосредоточить свои танки и артиллерию для совместных боевых действий. К 10.00 большая часть танков 7-го гусарского полка уже горела, а 15-я и 22-я танковые дивизии заняли высоту, господствовавшую над аэродромом Сиди-Резег с юга.

Затем Африканский корпус попытался занять аэродром Сиди-Резег, предприняв атаку с юго-востока. Эта попытка закончилась неудачей, отчасти из-за значительной нехватки боеприпасов, а отчасти благодаря мужественному сопротивлению артгруппы поддержки, которой блестяще командовал бригадный генерал Кэмпбелл. Артиллерия была лучше всего управляемым родом войск в английской армии, а выучка артиллеристов в полной мере проявилась в ожесточенном сражении при Сиди-Резеге 21 ноября. Ближе к вечеру в тыл нашего корпуса с юго-востока нанесла удар 4-я бронетанковая бригада, но была остановлена огнем противотанковой артиллерии. После этого 22-я бронетанковая бригада развернула свои силы к юго-западу и вступила в бой с левым флангом 15-й танковой дивизии.

Сам Роммель не принимал участия в этом сражении. На рассвете 21 ноября гарнизон Тобрука – 70-я английская дивизия и 32-я армейская танковая бригада – пошел в наступление в юго-восточном секторе обороны и после ожесточенной схватки прорвал фронт удер-

живавших этот участок подразделения дивизий «Африка» и «Болонья». Обстановка была очень напряженной, и Роммель лично поспешил к самому опасному участку. Он принял на себя командование 3-м разведывательным отрядом, усиленным 88-мм пушками, и сам повел его в контратаку. Несколько английских танков было подбито, и прорыв наших позиций ликвидирован.

Тем временем с передовых позиций поступило несколько тревожных донесений. Во второй половине дня 21 ноября 2-й новозеландской дивизии удалось пройти по тылам наших приграничных укреплений и пересечь дорогу Тарик-Капуццо по обе стороны Сиди-Азейза. В результате такого маневра они оказались в опасной близости от штаба танковой группы в Гамбуте, и Роммель приказал нам в течение ночи переместиться в Эль-Адем.

Вечером 21 ноября Роммель послал приказ Крювелю не допустить соединения гарнизона Тобрука с войсками 30-го английского корпуса (7-я бронетанковая дивизия, 1-я южноафриканская дивизия и 22-я гвардейская бригада). Для этой цели основные силы дивизии «Африка» были переданы под командование Крювеля.

Словно в компенсацию неудачной попытки выбить 7-ю группу поддержки с аэродрома Сиди-Резег, Африканский корпус к вечеру 21 ноября находился в весьма благоприятном положении. Корпус занимал позиции между группой поддержки и английскими 4-й и 22-й бронетанковыми бригадами, что позволяло ему атаковать каждую из этих частей по очереди. Но при обсуждении вечером 21 ноября ситуации с генералом Нейман-Зилковым, командиром 15-й танковой дивизии, Крювель заявил, что он намерен достичь «полной свободы маневра и что с этой целью хочет перебросить свой корпус в течение ночи на восток и перегруппировать его в районе Гамбута»⁷⁰. Крювель получил приказ Роммеля в 22.40 и соответствующим образом несколько изменил свой план. 15-я танковая дивизия должна была отойти и перегруппироваться к югу от Гамбута, а 21-я танковая выдвинуться к северу, спустясь с эскарпа, возвышавшегося над Тарик-Капуццо, и собраться в районе Бельхамеда. В результате этих приказов англичане получили возможность сосредоточить всю 7-ю бронетанковую дивизию в одном месте – впервые с 19 ноября. Более того, теперь две дивизии Африканского корпуса разделяло расстояние в 18 миль.

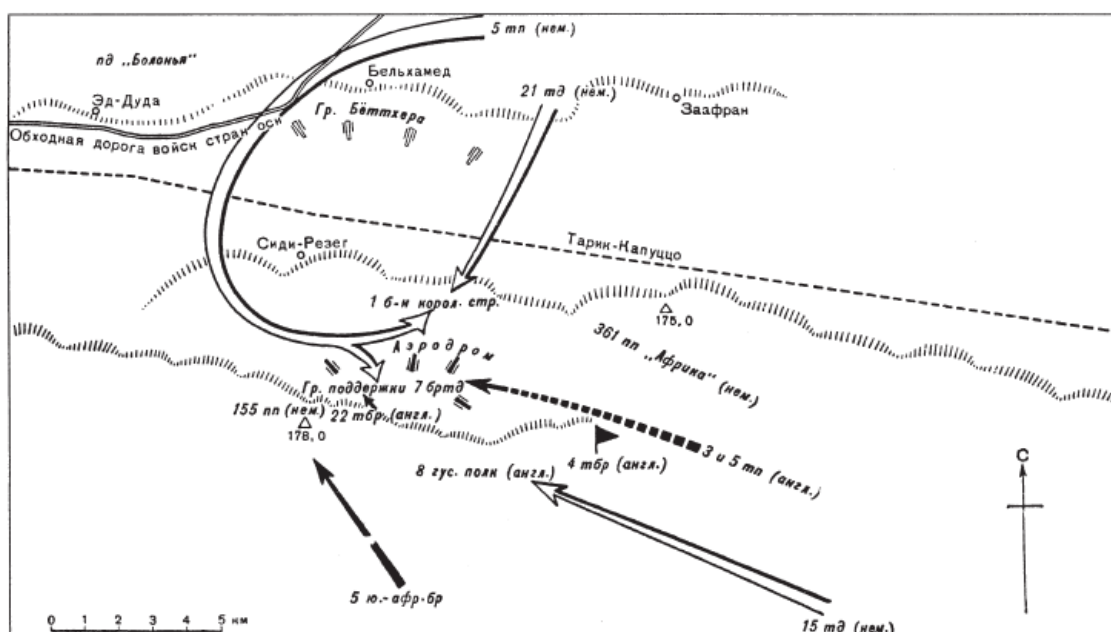
Главные силы танковых дивизий отошли в течение ночи из района южнее аэродрома Сиди-Резег, но аррьергарды продолжали вести бой с англичанами до утра 22 ноября. Наши противотанковые орудия и 88-мм пушки вновь подтвердили свои высокие качества, и английские танки так и не смогли близко подойти к нашим позициям. Аррьергарды воссоединились со своими дивизиями уже утром – 15-я танковая дивизия расположилась южнее Гамбута, а 21-я танковая – между Бельхамедом и Заафраном. К полудню 4-я и 22-я бронетанковые бригады сблизились с группой поддержки 7-й бронетанковой дивизии и остатками 7-й бронетанковой бригады, удерживавшими аэродром Сиди-Резег. Теперь положение англичан стало весьма благоприятным – 7-я бронетанковая дивизия смогла сосредоточить свои бригады, которые все еще располагали 180 танками, способными принимать участие в бою. 1-му южноафриканскому дивизиону было приказано сосредоточиться у Сиди-Резега, а 5-я южноафриканская бригада уже находилась в этом районе, имея приказ очистить южные холмы к западу от высоты 178⁷¹. Днем 22 ноября 6-я новозеландская бригада начала движение по дороге Тарик-Капуццо к Сиди-Резегу. Если 7-я бронетанковая дивизия смогла бы отразить наши атаки во второй половине дня 22 ноября, то соотношение сил у Сиди-Резега изменилось бы не в нашу пользу.

⁷⁰ Нейман-Зилков решительно возражал против этого, считая, что лучшим выходом из положения является «стремительный удар силами 8-го и 5-го танковых полков». Переброской Африканского корпуса к Гамбуту Крювель надеялся достичь благоприятной ситуации для удара англичанам во фланг.

⁷¹ Удерживаемой подразделениями 155-го пехотного полка.

Около полудня приехал Роммель, чтобы встретиться с фон Равенштейном, и изложил смелый план, который помог бы достичь победы над англичанами. Мотопехоте при поддержке основной массы артиллерии 21-й танковой дивизии было приказано штурмовать высоты у Сиди-Резега с севера, тогда как 5-й танковый полк, усиленный 88-мм пушками, должен был совершить широкий обходной маневр с севера от Бельхамеда, подняться по горной дороге к Эд-Дуде и, обойдя высоту у Сиди-Резега, нанести удар по аэродрому с запада. Тяжелая артиллерия танковой группы должна была сосредоточиться под Бельхамедом и подвергнуть его интенсивному обстрелу, поддерживая 21-ю танковую дивизию.

Атака эта, по всей видимости, оказалась для англичан совершенно неожиданной. Они располагали большим количеством броневых автомобилей⁷², но не смогли заблаговременно обнаружить приближающуюся колонну и своевременно предупредить об опасности. 5-й танковый полк, несмотря на ожесточенный обстрел из орудий группы поддержки, ворвался на аэродром. 22-я бронетанковая бригада попыталась было контратаковать, пройдя прямо через свои же артиллерийские позиции, но по какой-то причине 4-я бронетанковая бригада замешкалась. 80-мм и противотанковые пушки, установленные на высотах, нанесли тяжелые потери 22-й бронетанковой бригаде, которая отошла, лишилась половины своих и отступила. 1-й батальон королевских стрелков оборонял северные высоты у кладбища Сиди-Резег. Наши танки начали атаку этого батальона с тыла, а пехота 21-й танковой дивизии – с фронта. В результате большая часть солдат батальона была взята в плен. В сгустившихся сумерках в бой вступила 4-я бронетанковая бригада, но не смогла овладеть ситуацией, так что 21-я танковая дивизия удержала свои позиции на северных высотах и к западу от аэродрома.

Карта 10. Контратака Роммеля 22 ноября

Командир 7-й бронетанковой дивизии генерал Гот решил, что больше не в состоянии оборонять аэродром; с наступлением темноты он отвел свои понесшие потери силы на новые позиции за южными высотами. Во второй половине дня 3-й трансваальский полк шотландских стрелков 5-й южноафриканской бригады атаковал наши позиции в районе высоты 178 и понес серьезные потери.

⁷² 11-й гусарский полк, гвардейский полк королевских драгун, 4-й южноафриканский броневых автомобилей полк.

Тем временем на противоположном фланге в бой вступила 15-я танковая дивизия. Ее действия не были, однако, скоординированы с действиями 21-й танковой дивизии; Крювель решил перейти в наступление по собственной инициативе и нанес удар во фланг 7-й бронетанковой дивизии. И снова английская разведка этой дивизии не смогла своевременно предупредить о наших действиях. 15-я танковая дивизия стремительно наступала по равнине, пока не сгустилась тьма. Двигавшийся в авангарде 8-й танковый полк примерно в 19.00 заметил примерно в четырех милях к юго-востоку от аэродрома Сиди-Резег большое скопление техники.

Полк совершил широкий разворот и окружил английский лагерь, танки включили фары, а их командиры выпрыгнули из машин с пистолетами в руках. Англичане были захвачены врасплох и даже не оказали сопротивления. Несколько их танков попытались прорваться сквозь окружение, но огнем наших танковых орудий были тут же подожжены – от пламени горящих машин на поле боя стало светло как днем.

Позже выяснилось, что 8-й танковый полк захватил штаб 4-й бронетанковой бригады, а также значительную часть 8-го гусарского полка. Это был сокрушительный удар по лучшему бронетанковому соединению 7-й дивизии противника⁷³. Африканский корпус одержал значительную победу и снова господствовал на поле боя.

День поминовения

На 23 ноября⁷⁴ Роммель планировал наступление с целью уничтожения остатков 7-й бронетанковой дивизии и разгрома 1-й и 5-й южноафриканских пехотных бригад. Он заручился поддержкой Гамбары, который должен был наступать северо-восточнее Бир-эль-Гоби силами дивизии «Ариете», в то время как 15-я и 21-я танковые дивизии теснили бы англичан в сторону итальянцев. Роммель отдал приказ Африканскому корпусу окружить противника и уничтожить его.

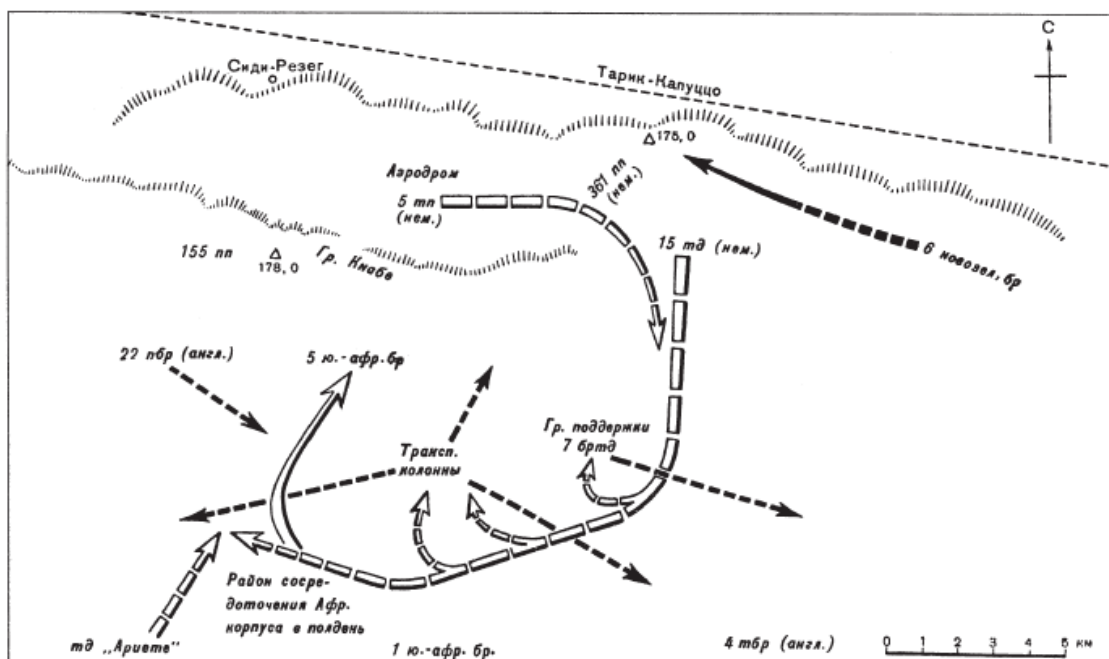
Приказ по танковой группе поступил к Крювелю слишком поздно. Поэтому он оставил пехоту и артиллерию 21-й танковой дивизии оборонять высоты южнее аэродрома Сиди-Резег и приказал 15-й танковой дивизии, усиленной 5-м танковым полком, развернуться к юго-западу и выйти в тыл 7-й бронетанковой дивизии и 5-й южноафриканской бригады. Соединившись с дивизией «Ариете», 15-я танковая дивизия должна была предпринять наступление совместно с итальянцами и оттеснить англичан к нашей пехоте и артиллерии, расположенным на высотах.

С утра 23 ноября над землей стоял густой туман, но, когда он рассеялся, Крювель приказал начать наступление, и длинные колонны танков, грузовиков и орудий двинулись в южном направлении. Довольно скоро они натолкнулись на большую колонну грузовиков, танков и орудий противника. 15-я танковая дивизия повернула на запад и вызвала панику у англичан. Машины 7-й бронетанковой дивизии и 5-й южноафриканской бригады в беспорядке стали отступать прямо через пустыню. Генерал Нейман-Зилков в разговоре с Крювелем предложил прекратить движение к югу. 15-я танковая могла бы воспользоваться преимуществами, которые давало ей замешательство в рядах неприятеля, и нанести удар по главным силам 5-й южноафриканской бригады. Крювель согласился, что перспектива выглядит «заманчивой», но посчитал, что взаимодействие с дивизией «Ариете» куда важнее. Поэтому бой был прекращен, и 15-я танковая дивизия продолжила движение в юго-западном

⁷³ Бригадный генерал Гейтхаус, командовавший 4-й бронетанковой бригадой, не попал в плен только потому, что находился на совещании.

⁷⁴ Третье воскресенье ноября в Германии отмечается как день поминовения всех усопших (*totensonntag*).

направлении на соединение с итальянцами. 5-й танковый полк задержался и смог догнать 15-й танковую дивизию лишь к полудню.

Карта 11. Сражение у Сиди-Резега 23 ноября

Нет сомнений, что и в этом случае мы упустили шанс, поскольку было бы целесообразнее продолжать наступление, пока южноафриканцы и англичане не успели организовать свою оборону. И именно южноафриканцы воспользовались предоставленной им передышкой и смогли перебросить большую часть своей артиллерии на южный фланг 5-й бригады. Их западный фланг был прикрыт сводным полком 22-й бронетанковой бригады, а восточный – остатками группы поддержки⁷⁵.

Рано утром 23 ноября Роммель выехал из штаба танковой группы в расположение Африканского корпуса. Но ему помешало наступление 6-й новозеландской бригады с востока. В ночь с 22 на 23 ноября бригада перешла в наступление и на рассвете 23 ноября неожиданно захватила в плен основной командный пункт штаба нашего корпуса неподалеку от Бир-эль-Клеты. Затем она стала двигаться в направлении высоты 175 и предприняла чрезвычайно опасную атаку на наш 361-й полк «Африка», оборонявший восточные подступы к аэродрому Сиди-Резег. Роммель пребывал в изрядном раздражении, поскольку так и не смог соединиться с Крювелем и основными силами Африканского корпуса.

В 15.00 Крювель атаковал 5-ю южноафриканскую бригаду. Выстроив свои танки в несколько длинных колонн, он приказал пехоте следовать за ними на грузовиках. Когда все было готово, последовал приказ к выступлению, и танки, грузовики и артиллерия устремились на неприятеля⁷⁶. Подобная атака была новшеством в немецкой тактике, и этот рискованный эксперимент оправдался. После ожесточенного сопротивления, в котором их поддерживали своим огнем танки 22-й бронетанковой бригады, южноафриканцы были разбиты. Но наша моторизованная пехота понесла тяжелые потери – большинство пехотных офицеров и унтер-офицеров были убиты или ранены, а танковые полки потеряли 70 из 150 машин.

⁷⁵ Около полудня 26-й новозеландский батальон занял позицию в двух милях восточнее от южноафриканцев.

⁷⁶ Дивизия «Ариете», наступавшая на левом фланге, сыграла минимальную роль в этом бою.

За все время операции «Крусейдер» это оказались самые большие наши потери, и они очень ослабили наши бронетанковые силы.

Несмотря на все эти потери, к вечеру 23 ноября наше положение было весьма благоприятным, и мы могли считать, что выиграли сражение при Сиди-Резеге. Танковая мощь 7-й бронетанковой дивизии была сведена почти на нет, 5-я южноафриканская бригада уничтожена, а гарнизону Тобрука не удалось выйти из окружения. К вечеру 23 ноября Роммель вернулся в штаб танковой группы, чтобы посвятить нас в свои планы и отдать новые приказы. Он явно торжествовал, и не было никакого сомнения, что это сражение стало одним из самых критических моментов войны в пустыне.

6

Поражение и реванш Роммеля

Бросок к границе

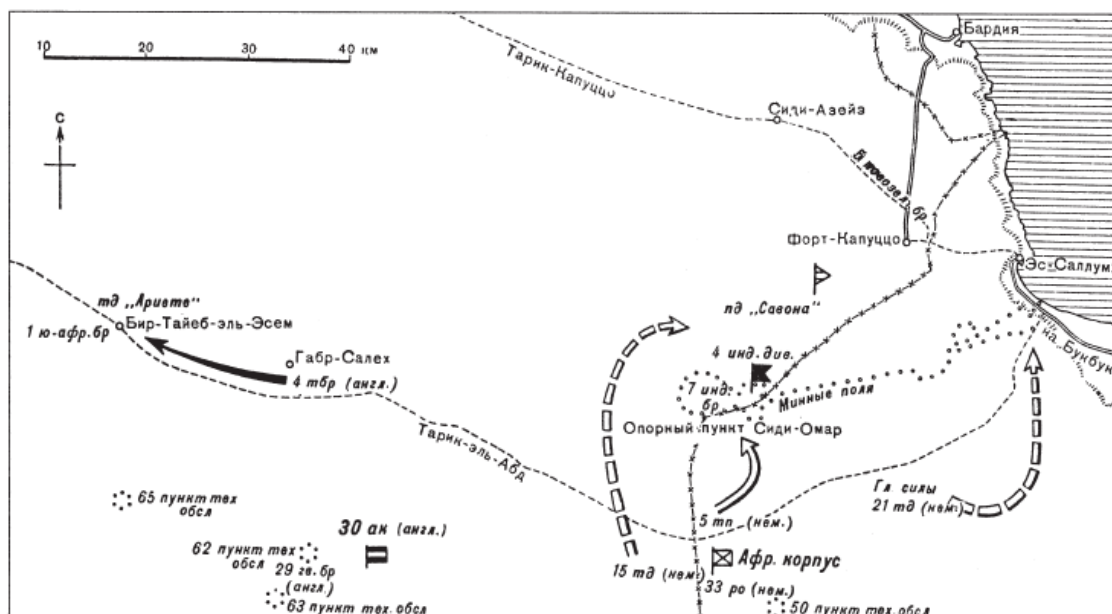
После сражения 23 ноября Африканский корпус оказался в состоянии полной неразберихи. Говоря словами генерала Байерлейна, «обширное пространство к югу от Сиди-Резега стало морем пыли, огня и дыма». Когда же наступила ночь, «сотни горящих грузовиков, танков и орудий освещали поле боя, и до самой полночи было невозможно понять результаты битвы, собрать подразделения, сосчитать потери и трофеи и оценить общую обстановку». И в самом деле, в таких условиях спокойный и точный анализ происшедшего был невозможен. Африканский корпус понес весьма серьезные потери, которые штаб танковой группы подсчитывал еще много дней после битвы. На 24 ноября у нас осталось менее сотни исправных танков, а пехотные полки понесли тяжелые потери от огня южноафриканцев.

К сожалению, Роммель переоценил свой успех и считал, что наступило время для начала преследования неприятеля. Он отсутствовал в штабе весь день, руководя боем с 6-й новозеландской бригадой у высоты 175, поэтому он не мог знать обстановку южнее Сиди-Резега. Он, однако, видел колонну подожженных южноафриканских грузовиков и получил несколько не вполне точных донесений о так называемых «боях на уничтожение». Вечером Роммель вернулся в Эль-Адем в возбужденно-ликующем состоянии и тут же стал отдавать приказы, изменившие ход операции «Крусейдер». В радиодонесении, которое он около полуночи отправил в Берлин, говорилось: «Планы на 24 ноября: а) завершить разгром 7-й бронетанковой дивизии; б) частью имеющихся сил наступать к Сиди-Омару для последующей атаки противника на фронте Эс-Саллума».

В штабе танковой группы мы к этому времени получили вполне надежные сведения о выдвижении главных сил 2-й новозеландской дивизии вдоль Тарик-Капуццо; более того, обстановка в районе Тобрука была весьма угрожающей. Вестфаль и я обратили внимание Роммеля на то, что опасно отводить Африканский корпус далеко от Тобрука, поскольку мы можем лишиться прекрасной возможности уничтожить новозеландскую дивизию, которая шла к месту своей дислокации по частям. Я совершенно убежден в том, что если бы мы оставили Африканский корпус в районе Сиди-Резега, то могли бы выиграть сражение.

8-я армия имела убийственную для нее практику вводить в бой свои силы по частям, так что мы вполне могли уничтожать их одну за другой. Верно, однако, и то, что наступление Роммеля к границе серьезно встревожило генерала Каннингхэма и едва не обратило 8-ю армию в паническое бегство.

Ни разу я не слышал, чтобы Роммель проявлял какой-либо интерес к полевым складам снабжения 8-й армии. Из перехваченных документов противника мы знали, где они находятся, но целью Роммеля был не захват английских военных запасов, а уничтожение армии неприятеля. С этой целью он планировал перерезать пути отхода XXX корпуса и оттеснить 4-ю индийскую дивизию на минные поля под Эс-Саллумом. В любом случае я весьма сомневался в том, что уничтожение нескольких складов снабжения могло бы привести к остановке английского наступления. Англичане довели до совершенства организацию снабжения армии, и их ресурсы были неограниченными.

Карта 12. Контрудар Роммеля. Положение на 25 ноября 1941 года

Рано утром 24 ноября Роммель и Гаузе выехали из расположения штаба танковой группы, оставив Вестфalia и меня в качестве старших офицеров штаба. Тогда мы не могли даже предположить, что их отсутствие продлится несколько дней, а мы будем иметь лишь самые неопределенные предположения о том, где находится Роммель. Именно в подобные моменты и проявляется качество подготовки штабных работников. Офицеры германского Генерального штаба никогда не были просто клерками или рупорами своих командиров, они могли в любой момент принять самые ответственные решения, чем и заслужили уважение. Английские же командиры позволяли себе посматривать на «штабных» сверху вниз, и англичане демонстрировали удивительную неохоту назначать способных штабных офицеров на командные должности.

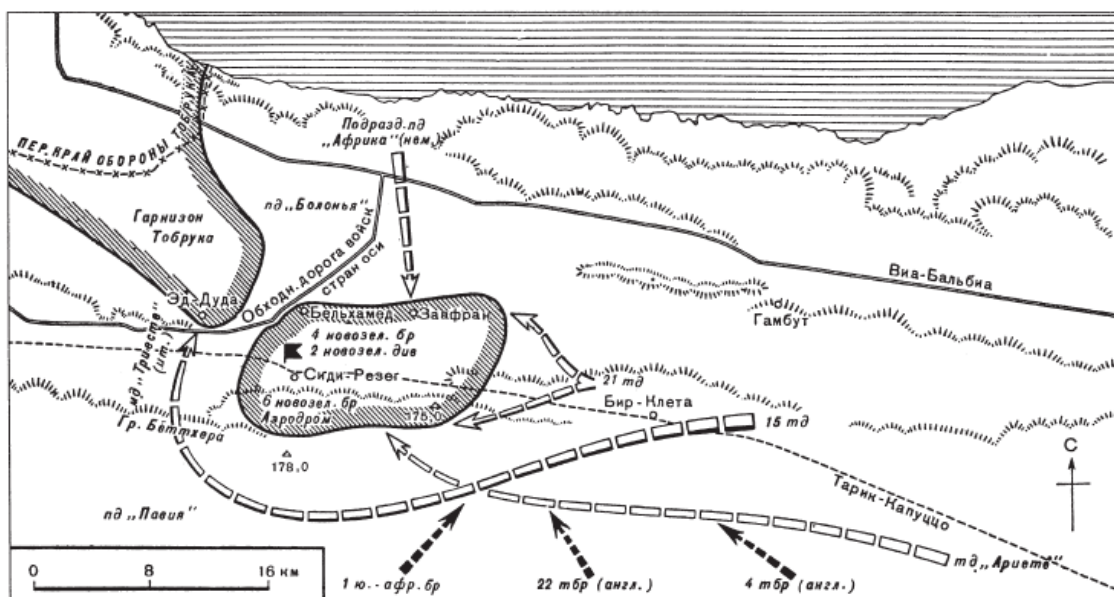
Около 10.30 24 ноября Роммель сам встал во главе 21-й танковой дивизии и помчался вперед с огромной скоростью. В тот же день ближе к вечеру он добрался до проволочных заграждений на границе, а за ним по пустыне 40-мильной колонной растянулся весь Африканский корпус. Решительный бросок Роммеля привел в совершенное замешательство XXX корпус, и, согласно британским источникам, генерал Каннингхэм уже был готов отступать в Египет. Но к счастью для англичан, в штаб 8-й армии прибыл генерал Окинлек; он не согласился с Каннингхэмом и отдал приказ продолжить наступление. Безусловно, это было одно из самых значительных решений всей войны; боевой дух Окинлека и его выдающаяся стратегическая интуиция спасли не только операцию «Крусейдер», но и много что еще⁷⁷.

У Роммеля сложилось превратное впечатление об обстановке на фронте под Эс-Саллумом. В действительности там находилась одна только 7-я индийская бригада⁷⁸, и бригада эта только что заняла Сиди-Омар. В ночь с 24 на 25 ноября Роммель и Крювель с сопровождавшими их офицерами безнадежно заблудились на египетской стороне за проволочными заграждениями и расположились на ночлег в районе расположения английских артиллерийских батарей и движущихся колонн войск. Ускользнуть оттуда они смогли только чудом, но

⁷⁷ 26 ноября Каннингхэм был заменен Ритчи.

⁷⁸ 11-я индийская бригада находилась ниже эскарпа около Букбука, а 5-я индийская бригада располагалась в районе Бир-Софафи.

утром 25 ноября Роммель без надлежащей информации о расположении войск противника принял поспешное решение. 5-й танковый полк был брошен на Сиди-Омар и потерял половину своего состава в безрезультатных атаках против 7-й индийской бригады, поддерживаемой артиллерией. Остальные части 21-й танковой дивизии блуждали где-то в районе южнее перевала Хальфайя, так и не встретив неприятеля. 15-я танковая дивизия к западу от Эс-Саллума окружила и во второй половине дня уничтожила полевые мастерские 1-й армейской танковой бригады противника. Продвижение итальянской дивизии «Ариете» натолкнулось на сопротивление 1-й южноафриканской бригады и 4-й английской бронетанковой бригады неподалеку от Тайеб-эль-Эсема, в результате итальянцы так и не смогли выйти к границе, как это было приказано⁷⁹. В течение всего дня Африканский корпус подвергался непрерывным атакам с воздуха, при том что участок фронта в районе Эс-Саллума был вне досягаемости наших истребителей. Короче говоря, 25 ноября стало для нас чрезвычайно неудачным днем, за который мы понесли тяжелые потери и почти не достигли результатов.

Карта 13. Окружение 2-й новозеландской дивизии 27–29 ноября (нем.)

В течение все этого же дня 25 ноября 2-я новозеландская дивизия передислоцировалась в район Сиди-Резега, и наша дивизия «Африка», оставленная там, вскоре оказалась в критическом положении. Вестфаль направил срочное донесение Роммелю, указывая на это обстоятельство и предупреждая о возможности массированного прорыва гарнизона Тобрука. Донесение это было получено Роммелем только утром 26 ноября⁸⁰, да и в любом случае он не смог бы ничего предпринять, поскольку у наших танков почти закончилось горючее. Накинув на плечи шинели, кое-как приткнувшись в деревянных хижинах, в которых размещался наш штаб в Эль-Адеме, мы с Вестфалем со все нарастающим беспокойством анализировали складывающуюся обстановку.

⁷⁹ Итальянский бронетанковый корпус с 23 ноября находился в подчинении командования танковой группы, что было сделано в результате непосредственного обращения Роммеля к Муссолини.

⁸⁰ С Роммелем находилось очень мало сопровождающих, и его средства связи совершенно не отвечали необходимым потребностям. К тому же основная часть штаба Африканского корпуса 23 ноября была захвачена в плен.

Второе сражение при Сиди-Резеге

26 ноября гарнизон Тобрука прорвал наши позиции и овладел высотами у Эд-Дуды; накануне вечером новозеландцы после ожесточенного боя захватили Бельхамед. Это дало неприятелю возможность организовать коридор между новозеландцами и Тобруком, а затем стягивать к своим позициям в Бельхамеде артиллерию и тяжелые танки.

В такой критической обстановке Вестфаль, не имея возможности связаться с Роммелем или штабом Африканского корпуса, принял на себя ответственность и послал приказание 21-й танковой дивизии. Он отменил все приказы о преследовании неприятеля и приказал дивизии выдвигаться к Тобруку для нанесения удара в тыл новозеландцев. 21-я дивизия прошла севернее минных полей под Эс-Саллумом и вечером 26 ноября нанесла удар по расположению 5-й новозеландской бригады у форта Капуццо, где и соединилась с 15-й танковой дивизией, которая пыталась пробиться к Бардии с целью пополнения запасов горючего и боеприпасов.

Несмотря на чрезвычайно критическое положение в районе Тобрука, Роммель продолжал свои действия на фронте под Эс-Саллумом. 27 ноября он все же отдал приказ 21-й танковой дивизии двигаться к Тобруку; но 15-й танковой дивизии была поставлена задача выдвигаться южнее Бардии и уничтожить части противника на линии Сиди-Омар – Капуццо. Рано утром 27 ноября 8-й танковый полк неожиданно атаковал расположение 5-й новозеландской бригады в Эль-Азейзе. 15-я танковая дивизия захватила 800 пленных, в их числе командира, и большое количество военного имущества. После столь впечатляющего успеха Роммель принял решение оставить этот участок фронта и приказал 15-й танковой дивизии двигаться к западу, к Тобруку.

Таким образом, 27 ноября Роммель возобновил сражение при Сиди-Резеге, но на гораздо менее благоприятных условиях, чем тремя днями ранее. Новозеландцы соединились с гарнизоном Тобрука, а наши силы на этом участке были значительно ослаблены. Африканский корпус не добился никаких успехов и представлял собой лишь бледную копию тех великолепных сил, которыми он вступил в сражение 18 ноября. Бронетанковые силы противника получили передышку; много танков было отремонтировано, из Египта прибыли крупные танковые резервы, и 4-я и 22-я бронетанковые бригады снова стали внушительной боевой силой. Королевский военно-воздушный флот господствовал в воздухе, нанося удары по нашим незащищенным колоннам.

Во второй половине дня 27 ноября 15-я танковая дивизия одержала важную победу над 4-й и 22-й бронетанковыми бригадами в районе Бир-эль-Клеты⁸¹. 21-я танковая дивизия удерживала позиции на Виа-Бальбия, но позднее повернулась к югу, чтобы соединиться с 15-й танковой дивизией на Тарик-Капуццо. Хотя наши танковые дивизии были сильно ослаблены, они держались сосредоточенно, тогда как английские силы были разбросаны и плохо управлялись.

Вечером 27 ноября Роммель приехал в Гамбут и смог установить прямую радиосвязь с нашим штабом в Эль-Адеме. Вестфаль доложил ему, что фронт под Тобруком на грани падения и что он с трудом удерживает итальянское командование от приказа об общем отступлении⁸². Теперь Роммель был полностью информирован относительно сложившейся опасной обстановки, но, как обычно, постарался обратить поражение в победу и начал подготовку к наступлению для уничтожения 2-й новозеландской дивизии. Утром 28-го числа он выле-

⁸¹ Тактически сражение складывалось в пользу англичан, но с наступлением темноты две бронетанковые дивизии отошли на отдых, и это дало возможность немцам свободно пройти по дороге Тарик-Капуццо. (Примеч. англ. изд.)

⁸² Следует заметить, что итальянские войска под Тобруком, и в частности дивизия «Триесте», в тот период сражались с исключительной отвагой.

тел в Эль-Адем, где было гораздо больше возможностей управлять сражением в целом. Его прибытие стало громадным облегчением для нас, и особенно для Вестфаля, который, будучи подполковником, отдавал приказы старшим по званию командирам итальянских корпусов.

Особо ожесточенных боев 28 ноября не было. 15-я танковая дивизия, двигаясь с востока, пробилась к высотам Сиди-Резега и отбросила английские танки, шедшие к Сиди-Резегу с юга. Вечером 28 ноября генерал Крювель отдал приказ Африканскому корпусу на следующий день перейти в наступление и оттеснить новозеландцев в Тобрук. 24-я танковая дивизия должна была наступать через Заафран на Бельхамед, 15-я танковая – через Сиди-Резег на Эд-Дуду, тогда как дивизия «Ариете» получила приказ прикрывать южный фланг.

Роммель был не согласен с планом Крювеля и хотел, чтобы Африканский корпус отрезал новозеландцев от Тобрука, а не оттеснял их опять в крепость. В соответствии с этим в полдень 29 ноября Крювель приказал 15-й танковой дивизии совершить обходной маневр к юго-западу от Сиди-Резега и затем атаковать Эд-Дуду с юго-запада. 21-я танковая дивизия и дивизия «Ариете» не смогли выполнить возложенную на них задачу, поскольку отражали ожесточенные атаки английских танков⁸³. Во второй половине 29 ноября 15-я танковая дивизия после отчаянного боя захватила Эд-Дуду, но с наступлением темноты противник контратаковал и выбил мотострелковый полк дивизии с господствующих позиций. Днем Роммель лично побывал в штабе корпуса и настоял на том, чтобы новозеландская дивизия была уничтожена вне Тобрука.

Теперь обстановка еще больше обострилась, и обе стороны находились на пределе своих сил. Войска вели боевые действия в условиях страшной стужи, в пустынной, лишенной воды местности, к тому же нормальная система снабжения войск практически отсутствовала. 2-я новозеландская дивизия была почти полностью окружена нашими бронетанковыми войсками – 15-й танковой с запада, 21-й – с востока и дивизией «Ариете» – с юга, но сильные английские танковые части угрожали нашим на южном фланге, а на усиление их подходила 1-я южноафриканская бригада. Гарнизон Тобрука понес значительные потери, но все еще оставался весьма внушительной военной силой. В этих обстоятельствах решение Роммеля о продолжении сражения до тех пор, пока новозеландцы не будут уничтожены, стало замечательным свидетельством его воли и решительности.

Утром 30 ноября 15-я танковая дивизия отошла от Эд-Дуды, где, очевидно, были сосредоточены значительные силы противника, и заняла исходные позиции для наступления с юга на высоты у Сиди-Резега во взаимодействии со смешанными боевыми группами Африканской дивизии. Несмотря на поступающие к нему со всех сторон просьбы об отсрочке, Роммель настоял на том, чтобы наступление было предпринято во второй половине того же дня, и это его решение оказалось верным. Вечером мы заняли позиции новозеландцев у Сиди-Резега, захватив 600 пленных и 12 орудий. 21-я танковая и дивизия «Ариете» отбили ожесточенные атаки британских танков с юга и юго-востока, а уже почти ночью 1-я южноафриканская бригада предприняла попытку атаковать нас в районе высоты 175, но была отбита.

Наш успех поставил новозеландцев в безвыходное положение, и 1 декабря генерал Фрейберг, их командир, отдал приказ отходить на юго-восток. Поддерживаемый 4-й бронетанковой бригадой, он смог вывести часть своей практически окруженной дивизии, хотя в течение этого дня мы и взяли в плен еще тысячу человек и захватили 25 орудий. 7-я бронетанковая дивизия, 2-я новозеландская дивизия и 1-я южноафриканская бригада были вынуждены теперь отойти к югу для перегруппировки. Тобрук снова был блокирован, и формально мы, похоже, победили. Но заплаченная за это цена была слишком высокой; танковая группа

⁸³ Днем генерал фон Равенштейн, командир 21-й танковой дивизии, по ошибке углубился в расположение новозеландцев и был взят в плен. 29 ноября дивизия «Ариете» была подчинена командованию Африканского корпуса и доблестно сражалась вместе с нами.

была сильно потрепана, и вскоре стало совершенно очевидно, что у нас есть единственное разумное решение – начать общее отступление из Киренаики.

Отступление из Киренаики

Отличительной чертой характера Роммеля было то, что он никогда не падал духом – даже в неблагоприятной обстановке. 3 и 4 декабря он отдал приказ подразделениям Африканского корпуса двинуться в направлении Бардии. Его целью было доставить припасы в эту крепость, кроме того, он по-прежнему надеялся загнать войска противника на минные поля. Но основная часть войск корпуса должна была остаться в районе Сиди-Резега для перегруппировки, а поэтому брошенные на Бардию силы оказались слишком слабыми для того, чтобы оказать ей помощь, и были вынуждены вернуться. Утром 4 декабря 21-я танковая дивизия попыталась захватить Эд-Дуду, где основательно закрепился гарнизон Тобрука. Эта попытка также не удалась.

4 декабря мы получили донесения о концентрации 4-й индийской дивизии в районе Бир-эль-Гоби (на фронте под Эс-Саллумом ее сменила 2-я южноафриканская дивизия), а также о движении крупных колонн неприятельских войск в районе Бир-Хакейма и Эль-Адема. И в тот же самый день наш штаб в Эль-Адеме подвергся атаке бронеавтомобилей и артобстрелу противника, наступавшего с юга. Положение со снабжением было просто отчаянным, в воздухе полностью господствовала авиация противника. Оценив обстановку, Роммель понял, что осада Тобрука далее продолжаться не может, и принял решение об отводе наших войск на новые позиции, проходящие юго-западнее этой крепости.

Было не так-то просто вывести наши войска и снаряжение из восточного сектора Тобрука, и, чтобы прикрыть их отход, Африканский корпус 5 декабря предпринял наступление на Бир-эль-Гоби. В беспорядочных схватках между 5 и 7 декабря корпус выдержал натиск намного превосходящих его английских сил (в основном 7-й бронетанковой и 4-й индийской дивизий) и выиграл время для продолжения своего отхода на позицию, проходящую южнее Эль-Газалы⁸⁴. В ночь с 7 на 8 декабря корпус оторвался от противника и отошел, чтобы прикрыть южный фланг позиций у Эль-Газалы. 9 декабря дивизия «Африка»⁸⁵ была передислоцирована под Аждедабию, расположенную в 100 милях южнее Бенгази, для обороны этого района от 29-й индийской бригады, захватившей Джало и угрожавшей перерезать коммуникации, связывавшие нас с Триполи. Но даже на этом этапе развития событий Роммель все еще надеялся удержать 8-ю армию на рубеже позиции Эль-Газалы.

Сражение при Эль-Газале началось 11 декабря и продолжалось до 15-го. Хотя атаки англичан и были отбиты, стало совершенно ясно, что боевые возможности итальянцев снизились до угрожающего уровня; у нас стали подходить к концу последние резервы боеприпасов, и наши войска вряд ли смогли бы отразить мощный танковый удар с южного фланга. 15 декабря Роммель провел оперативное совещание с участием фельдмаршала Кессельринга, которого Гитлер недавно назначил главнокомандующим на Южном театре военных действий⁸⁶, генералом Каваллеро, начальником итальянского Генерального штаба, и генералом Бастико, главнокомандующим силами в Северной Африке.

Совещание было чрезвычайно бурным. Роммель перечислил свои трудности и понесенные потери и сказал, что он должен отвести свои силы из Киренаики, чтобы перегруппировать их. Для итальянских генералов такое заявление стало громом посреди ясного неба, и

⁸⁴ Эта линия обороны была в начале года подготовлена итальянцами.

⁸⁵ 15 декабря она стала называться 90-я легкопехотная дивизия.

⁸⁶ В оперативном отношении Роммель не подчинялся Кессельрингу, последний отвечал за снабжение и авиационную поддержку немецких войск в Северной Африке.

даже Кессельринг был ошеломлен. Бастико подверг планы Роммеля резкой критике и официально запретил какое-либо дальнейшее отступление. В конце концов Роммель, дав генералам вволю выговориться, все-таки настоял на своем решении.

Отвод войск был осуществлен с большим искусством, под прикрытием сильных арьергардов. Нашим главным противником была английская авиация. Роммель опасался, что вражеские танковые группы, брошенные через пустыню, могут отрезать нам пути отхода. К счастью, этой опасности удалось избежать. Прибытие 15-й танковой дивизии в район к западу от Бенгази стало большим облегчением для Роммеля, после чего им был отдан приказ о сосредоточении частей в районе Аджедабии. Весьма кстати к этому моменту в Бенгази по морю прибыл транспорт с танками, и 15-я танковая дивизия пополнилась 40 боевыми машинами.

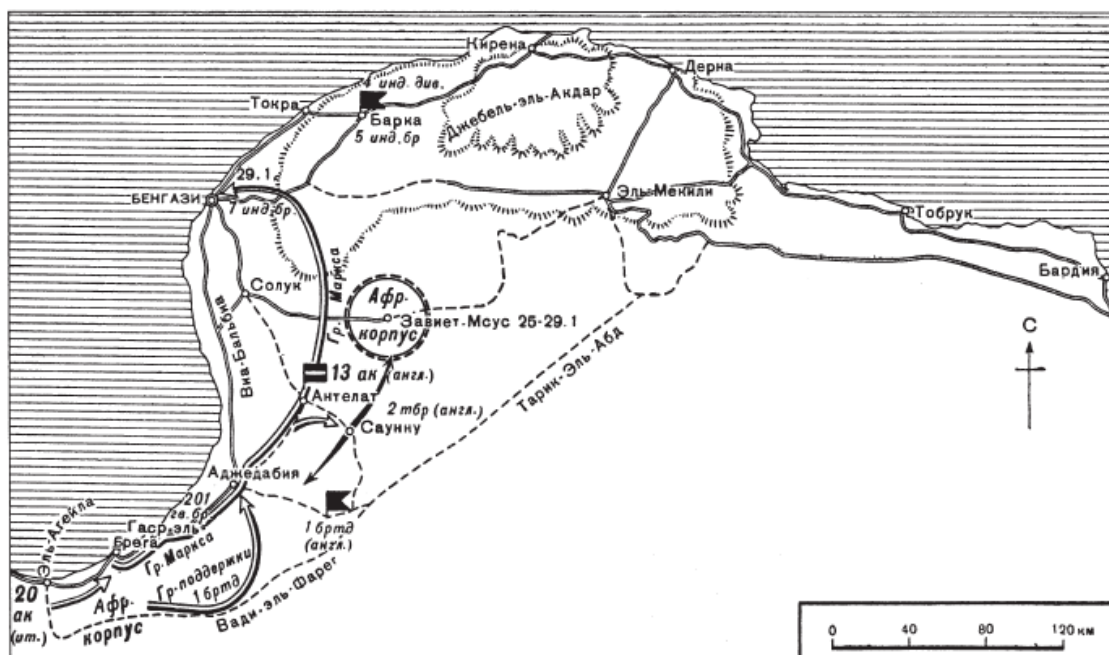
23 декабря части 7-й бронетанковой дивизии сделали попытку перерезать шоссе Виа-Бальбия между Бенгази и Аджедабией. Англичане разделили свои танковые части на несколько колонн, отстоящих друг от друга порой на весьма изрядное расстояние, и 15-я танковая дивизия смогла разгромить их по отдельности. 24 декабря мы оставили Бенгази.

26 декабря англичане сделали попытку нанести удар по нашим позициям у Аджедабии. Африканский корпус теперь располагал 70 танками, и первые атаки противника были с легкостью отбиты. Английские бронетанковые части попытались обойти позиции у Аджедабии с юго-востока, но наш корпус успешной контратакой 28 декабря уничтожил большое количество вражеских танков, так что противник был вынужден отступить. Положение со снабжением улучшилось, теперь мы получали все увеличивающееся количество боеприпасов по воздуху. 7-я бронетанковая дивизия была значительно ослаблена; она потеряла большую часть своих танковых экипажей и нуждалась в отдыхе. Надо сказать, что у Роммеля не было такой уж необходимости отходить из Аджедабии к Мерса-Брега; тем не менее в ночь с 5 на 6 января он сделал это. Развитие событий показало, что это было мудрое решение.

Контрнаступление Роммеля

11 января 1942 года танковая группа сосредоточилась на позициях у Мерса-Брега; несмотря на понесенные за последние семь недель тяжелые потери, стратегическое положение Роммеля было не самым неблагоприятным⁸⁷. 2-й воздушный флот был переброшен из России на Сицилию и в Италию и мог теперь оказывать поддержку нашим войскам. Положение со снабжением значительно улучшилось; 18 декабря и 5 января в Африку под охраной итальянских линкоров пришли два конвоя с большим количеством горючего и боеприпасов. А прибытие четырех танковых рот усилило боевую мощь Африканского корпуса. Кессельринг подверг Мальту жестоким бомбардировкам с воздуха, их эффект не замедлил сказаться – резко упали объемы потопленного тоннажа на морских коммуникациях в Триполи.

⁸⁷ Частично это объясняется потерей англичанами кораблей «Отряда К» в середине декабря. (Примеч. изд.)

Карта 14. Контратака Роммеля (январь 1942 года)

8-я английская армия теперь продолжала вести бои с нашими войсками на границе. Бардия пала лишь 2 января, а проход Хальфайя удерживался нами на две недели дольше. Эти действия отвлекли 2-ю южноафриканскую дивизию, а задержка с овладением прохода Хальфайя привела к дополнительной нагрузке на систему снабжения английской армии.

12 января в штабе танковой группы состоялось совещание, на котором было обсуждено положение на фронте. Меня попросили сделать подробное сообщение на эту тему. Благодаря прекрасной работе нашей службы радиоперехвата я смог представить собравшимся абсолютно достоверную картину расположения и намерений английских войск, а также обратить внимание на возможность нанесения контрудара. Опытная 7-я бронетанковая дивизия была так измотана в боях предшествующих недель, что была отведена в район к югу от Тобрука, а ее место заняла 1-я бронетанковая дивизия, совершенно незнакомая с боевыми действиями в пустынной местности и лишь недавно прибывшая из Англии. Мы считали, что 4-я индийская дивизия все еще находится в районе Бенгази и лишь отдельные ее подразделения выдвинулись к Аджедабии⁸⁸. Информация о 1-й южноафриканской, 2-й новозеландской и 70-й британской дивизиях была далеко не полной, но они определенно не находились на передовой.

По моим данным, у танковой группы должно было сохраниться определенное преимущество на западе Киренаики до 25 января; после этого баланс сил мог склониться в пользу англичан⁸⁹. Позиции у Мерса-Брега в ряде отношений имели серьезные недостатки, что отметил и сам Роммель, делая облет линии фронта. В целом же представлялось опасным переходить к оборонительной тактике и позволить противнику накапливать силы. Итальянские дивизии, конечно, вряд ли смогли бы выдержать еще одно тяжелое оборонительное сражение.

⁸⁸ На самом деле впереди 4-й индийской дивизии находилась 201-я гвардейская бригада. Ныне из воспоминаний Окинлека мы знаем, что 4-я индийская дивизия была не в состоянии выступить из Бенгази из-за трудностей со снабжением.

⁸⁹ Для контрнаступления мы располагали 117 немецкими и 79 итальянскими танками. Окинлек приводит данные о том, что 1-я английская бронетанковая дивизия имела 150 танков (Dispatch. P. 351).

Роммель вполне серьезно воспринял все эти доводы. Он, однако, выразил сомнение в том, справится ли наш транспорт со своими задачами. Получив данные в этом отношении и удовлетворившись ими, он направил всю свою энергию на подготовку к наступлению, но настаивал на том, что оно должно быть совершенной неожиданностью для противника. Только в этом случае ему будет обеспечен успех. Роммель даже решил не докладывать о своих намерениях ни Верховному командованию итальянских сил в Северной Африке, ни Верховному командованию в Берлине. Перегруппировка наших сил была осуществлена несколькими ночными маршами; всякие рекогносцировки, в особенности танковые, были запрещены, танки за линией фронта были закамуфлированы под грузовики. Всякие передвижения машин к линии фронта в дневное время также запрещались⁹⁰. Командир Африканского корпуса был проинформирован о плане наступления только 16 января, а командиры дивизий получили приказы лишь 19 января в устной форме. Время «Ч» было назначено на 18.30 21 января.

В ночь с 20 на 21 января деревня Мерса-Брега и грузовое судно, сидевшее на мели у берега, были подожжены, чтобы создать впечатление, что мы уничтожаем свои запасы, готовясь к дальнейшему отступлению.

В наступление мы пошли двумя основными ударными группами. Первая из них, группа Маркса, сформированная из мобильных подразделений 90-й легкопехотной дивизии и части 21-й танковой дивизии, продвигалась вдоль Виа-Бальбия, в то время как Африканский корпус наступал через пустыню к северу от Вади-эль-Фарега. Поначалу все шло хорошо, корпус быстро продвигался вперед по твердому грунту, но к утру танковым дивизиям пришлось преодолевать высокие зыбучие пески, что не только заметно снизило скорость их продвижения, но и привело к повышенному расходу горючего. Тем не менее передовые танки захватили несколько английских пушек и большое количество автомашин, которые завязли в песке, пытаясь уйти от наших войск. На северном фланге 1-я ударная группа потеснила неприятеля, но ее продвижение было задержано болотами по обе стороны от дороги.

К вечеру 21 января по данным авиаразведки и радиоперехватам стало понятно, что англичане отходят в северо-восточном направлении и что основные силы 1-й бронетанковой дивизии сосредотачиваются восточнее и юго-восточнее Аджедабии. Наше наступление оказалось для противника совершенной неожиданностью; но, с другой стороны, и наши танковые полки были вынуждены остановиться из-за недостатка горючего. Роммель решил лично возглавить 1-ю ударную группу Маркса и всеми наличными силами наступать на Аджедабию – врагу любой ценой нельзя было давать шанс собрать свои силы, даже если для этого пришлось бы наступать без танковой поддержки. В подобных решениях проявлялись самые лучшие качества Роммеля-командира – быстрота, дерзость и гибкость.

Двигаясь вдоль шоссе Виа-Бальбия и подавляя слабое сопротивление противника, 1-я ударная группа вступила в Аджедабию в 11.00 22 января. Роммель лично возглавил колонну и приказал продолжить наступление на Антелат и Саунну. Передовые подразделения 1-й ударной группы ворвались в гущу английских колонн снабжения; возникла паника, и мы без какого-либо сопротивления захватили много автомашин. Антелат был взят в 15.30, а затем наша ударная колонна, не останавливаясь и не обращая внимания на сгущающуюся ночную тьму, двинулась на Саунну. К 19.30 после короткого сражения Саунна пала, и группа Маркса расположилась здесь на ночь, чувствуя себя неуверенно в окружении. Передовые части 15-й танковой дивизии вступили в Антелат ночью; обе танковые дивизии попытались соединиться, но им помешали заторы на дорогах.

⁹⁰ Немецкая армия всегда отлично проводила подготовку подобного рода. Так, например, успех нашего наступления на Западном фронте в марте – мае 1918 года в значительной мере был предопределен подобными мероприятиями.

В ночь с 22 на 23 января Роммель отдал распоряжения, которые, как он надеялся, позволили бы нам окружить 1-ю бронетанковую дивизию, блокированную, как нам представлялось, к востоку от Аджедабии. Итальянские бронетанковые корпуса должны были удерживать район Аджедабии, Африканский корпус получил приказ попытаться установить заслоны вдоль линии Аджедабия – Антелат – Саунна, а ударной группе Маркса предстояло наступать к юго-востоку от Саунны, где она должна была замкнуть кольцо окружения на восточном фланге.

Задумано все это было с размахом, но удалось выполнить только частично. Из-за серьезного промаха штаба Африканского корпуса Саунна не была занята 21-й танковой дивизией сразу после ухода 1-й ударной группы, и противник воспользовался этим и сумел вывести оттуда основные силы 1-й бронетанковой дивизии. Мы вывели из строя значительное количество танков и орудий, но эта операция еще раз продемонстрировала, сколь трудно окружить бронетанковое соединение в пустыне путем установления отдельных кордонов. К сожалению, до 24 января мы так и не поняли, что основные силы врага смогли ускользнуть из нашего кольца, поэтому потеряли много времени, прочесывая территорию.

Вечером 24 января Роммель принял решение наступать на следующий день на Мсус и завершить уничтожение 1-й бронетанковой дивизии. На правом фланге 21-я танковая дивизия без особого труда преодолела незначительное сопротивление противника, но в 6 милях к северо-западу от Саунны 15-я танковая дивизия столкнулась со значительно превосходящими ее танковыми силами англичан. Они были разбиты 8-м танковым полком, который поддержала своим огнем наша артиллерия; вскоре стало понятно, что английские танковые части не имеют боевого опыта и полностью деморализованы атакой 15-й танковой дивизии. Англичане отступали, временами скорость их преследования достигала 15 миль в час; это было одно из самых необычных преследований за годы войны. Покрыв около 50 миль менее чем за четыре часа, 15-я танковая дивизия к 11.00 достигла аэродрома Мсуса, разгромив многочисленные колонны грузовиков с боеприпасами и захватив 12 готовых к взлету самолетов. Дальнейшее преследование стало невозможным, поскольку у наших танков закончилось горючее, но за этот день мы захватили в качестве трофеев 96 танков, 38 орудий и 190 грузовиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.